

Михаил Баженов

HAPPY HOUR

*Я добрый,
но добра не сделал никому...*

(Константин Никольский, ВИА «Воскресенье»)

19 мая 1999 года
Пекин, отель «New World»

Гроза началась внезапно, за полчаса до полуночи. Я уже выходил из номера, как вдруг тёмная комната на миг осветилась судорожной мертвенно-голубой вспышкой, испуганно дрогнули стёкла, и уже в темноте разнёсся ворчливый, долго не желающий утихомириваться рокот. В проступившую наконец тишину вплыл ровный шум ливня, такой уверенный и мощный, точно он лил беспрестанно уже много лет.

Я подошёл к окну. Ни о какой прогулке теперь, конечно, не могло быть и речи. Даже на 20-м этаже стало неуютно при виде того, как вскипали внизу на тротуарах невесты когда успевшие возникнуть полноводные ручьи, по которым в разные стороны неуклюже разбежались застигнутые врасплох прохожие.

«Хорошо хоть не успел на улицу выйти», – подумал я про себя, но вслух всё равно выругался. Единственный план проведения вечера оказался разрушенным. Впрочем, никакого особенного плана и не было. Я просто собирался пошататься по проспектам и переулкам ночного Пекина, время от времени заруливая в приглянувшиеся по пути кабачки, чтобы пропустить там стаканчик-другой.

Таким непритязательным образом я намеревался отметить день своего рождения. Этот день я недолюбливал почему-то с малых лет. Он всегда вызывал у меня неизъяснимую тоску своей не вполне легитимной торжественностью и задолго припасёнными подарками, из которых никто не удосуживался делать секрета (“Мишенька, а ты хочешь на день рождения в цирк?!..”).

С годами на смутные ребячие капризы и нелюбовь к цирку наслоились обрывки воспоминаний о сумасбродных, похожих один на другой кутежах, что окончательно лишило этот день ореола праздничности. Сегодня наконец-то выдался мой любимый, давно лелеемый вариант – затеряться одному в далёком чужом городе, где совсем никто не смог бы меня разыскать и с приторным воодушевлением поздравить.

Однако теперь лишь оставалось найти в пределах гостиницы, чем занять себя этим вечером. Я взял в руки тяжеленный Hotel Directory и наугад открыл его прямо посередине. Крупными буквами там было начертано: “Не поднявшись в наш бар «Великая Стена», не увидишь Поднебесной!”¹ Усмехнувшись над креативностью авторов слогана, я тем не менее отметил, что с 52-го этажа вид ночного Пекина в грозу – это, должно быть, и в самом деле круто.

Уже потом, пытаясь вспомнить каким образом нелёгкая затащила меня тем вечером именно в этот бар, я не мог не подивиться тому, как скрупулёзно и упорно пришлось покорпеть Сатане, расставляя все декорации таким изощрённым образом, чтобы я в который уже раз очутился в самом эпицентре развязки ещё одной чужой драмы, в которых по неведомой причине постоянно оказываюсь в роли случайного, но тем не менее неизбежного персонажа...

Когда, выйдя из лифта, я направился к бару, мне показалось было, что там слишком многолюдно и шумно, и я нерешительно затоптался на месте, уже собираясь повернуть назад, но тут кто-то подтолкнул меня в спину прямо в направлении высоких дверей, из которых выбежали навстречу сразу две симпатичные официантки. – Добро пожаловать на наш Happy Hour!² – очень мило улыбаясь, сказала одна. Вторая со смущённым видом кланялась, сложив руки на груди.

Я обвёл взглядом гудящий полутёмный зал, втайне надеясь, что там не окажется подходящего места, однако в самом углу возле окна заметил пустой столик с маленьким уютным диваном. Именно в этот момент хмельной галдёж неожиданно затих, и словно аккомпанемент к уже совершенно иному фильму, тихо набирая силу, зазвучала фортепьянная музыка Дворжака.

Последняя уловка дьявола сработала блестяще, и через мгновение я уже шёл к угловому столику в сопровождении сияющих девушек. «Ну, ладно, послушаю Дворжака, выпью кружку пива, да и пойду», – словно оправдываясь перед собой, решил я, усаживаясь на диванчик.

Обе девчушки проворно опустились предо мною прямо на колени, и в то время пока одна зажигала плавающую в сферической вазе свечу, вторая непонятно откуда извлекла и водрузила на столик массивную терракотовую чашу с солёными орешками. Я обречённо вздохнул – Китай, видимо, никогда не перестанет удивлять своей затейливостью.

Поднявшись с колен, девушки исчезли, но у стола уже стояла третья с бархатной папкой в руках. – Что вам угодно пить? – спросила она с сильным акцентом по-английски, склоняясь чуть ли не пополам.

- Пиво. Самое тёмное. Из-под крана, – сказал я тоже на английском. Я уже давно приучился не демонстрировать свой китайский без особой нужды – неизбежно начинаются стандартные комплименты, расспросы, а я в тот вечер не был расположен к общению.

- Из-под крана тёмного нет, – с виноватым видом призналась она, довольно успешно справляясь с грамматикой. – Есть «Гиннес», но он в банках.

¹ Перефразированная китайская поговорка “Не поднявшись на Великую Стену, не узнаешь Китая”.

² Дословно: «счастливый час» - время, когда спиртные напитки в барах продаются по сильно сниженным ценам.

- Пусть будет «Гиннес», – махнул я рукой. С возрастом у меня совершенно утратился вкус к светлым сортам пива – они мне стали казаться какими-то легкомысленными.

Официантка, поклонившись, растворилась в сумраке бара, а я оглядел зал. Основным источником гама была большая группа японских туристов, как обычно громко ликующих по каким-то своим, никому не ведомым японским поводам. Вокруг них точно мелкие рыбки крутились девицы в коротких блестящих юбках, и я демонстративно отвернулся – к китайским путанам у меня давно сформировалось стойко равнодушное отношение.³

К тому же, жизнерадостные выкрики японцев и щебетание проституток заглушали Дворжака. Я досадливо поморщился и перевёл взгляд на белый рояль в противоположном углу зала.

Сидящую за ним пианистку было почти не разглядеть, но даже издали была заметна изящная невесомость её тонких рук. Играла она на удивление недурно. Обычно китайцы, механически исполняя европейскую музыку, умудряются привнести туда свой колорит, и в мелодии то и дело мелькает явственный восточный акцент, однако эта девица несомненно понимала, ЧТО она играет.

Тем не менее казалось, будто кроме неё и меня в баре до этой музыки никому не было дела – оживление царило такое, что «Славянскому танцу» было не по силам превозмочь азиатский гвалт. «Напрасно сел от рояля так далеко» – пожалел я и наконец-то посмотрел в окно.

Вид и на самом деле был неземным. Молнии бесшумно штриховали ночное небо извилистыми паутинами трещин, осеняя золотыми нимбами и без того фантастические силуэты пекинских небоскрёбов, затем, посверкивая, осыпались под сокрушительными руладами грома, и в чёрном квадрате окна вновь замедленно проявлялось по-акварельному размытое ливнем безбрежное мерцание разноцветных огней.

От великолепного зрелища меня отвлекла официантка, принёсшая пиво. Этой на вид можно было вообще дать лет 15, а то и 14. Облик её казался совершенно кукольным: пушистая чёлка до бровей и на удивление длинные для китайки ресницы, что придавало раскосым глазам приглушённый, матовый блеск. На неправдоподобно узкой груди, обтянутой плотной шерстью платья, виднелись лишь робкие намёки на выпуклости – то, что королюлюбивые американцы пренебрежительно именуют «tiny-tits»⁴.

³ Как это ни удивительно, но несмотря на многовековую культ изысканнейших сексуальных услуг и неустанную селекцию жриц любви в Поднебесной, современные китайки отличаются потрясающей закрепощённостью и неумелостью. Одно время меня сильно донимала загадка, каким макаром коммунистам удалось за какие-то пару поколений известить богатейшую эротическую культуру, пока я не сообразил, что гоминьдановцы, сваливая в 1949 году от товарища Мао на остров Тайвань, прихватили туда всех лучших представительниц этой культуры (наряду с самыми бесценными сокровищами императорских кладовых). С тех пор Республика Тайвань остаётся моей щемящей эзотерической мечтой...

⁴ Дословно можно перевести как «крошечные титьки», но я, будучи большим поклонником и ценителем подобного явления природы, предпочёл бы вариант «синички-невелички» (tit – по-английски также «синица»)

Зачарованно наблюдая, как она опускается передо мной на колени, я вдруг ощутил себя пожилым педофилом и отвёл глаза. Быстрыми словно у белочки движениями она открыла пиво, наполнила до краёв заледенелую кружку и поклонилась, прижав ладони к своим «синичкам», потом поднялась с колен и встала за моей спиной. Я недоумённо покосился на неё, но тут заметил, что у каждого столика в баре почтительно стоит одна, а то и две официантки. Да, лучшего способа борьбы с безработицей не придумаешь...

Пианистка закончила играть и поднялась из-за рояля. Раздались нестройные хлопки – кто-то всё-таки слушал! Она неспешно пошла вдоль прохода, и теперь можно было получше её рассмотреть.

Насчёт изящества я не ошибся, да и всё остальное оказалось весьма незаурядным.

Это лицо нельзя было назвать однозначно красивым, но оно сразу притягивало взгляд ускользающим ощущением того, что ты уже видел его на каком-то древнем аристократическом портрете. Встречаются порой такие лики, которые словно принадлежат совсем иным эпохам. Можно было легко представить её кем угодно – любимой кузиной императора Цинь Ши Хуана⁵, элитарной поэтессой эры Троецарствия⁶, предводительницей восстания каких-нибудь там ихэтуаней⁷ – но только не пианисткой в этом прокуренном, галдящем на разных языках пентхауз-баре современной пекинской гостиницы.

Однако, когда она небрежной походкой молодой пумы прошла недалеко от моего столика, я вдруг с изумлением заметил, что на ней была короткая юбка того же фасона, что и на всех прочих девицах, порхающих между японскими туристами. Словно для того, чтобы окончательно развеять моё недоумение, она направилась именно туда и уверенно уселась на колени ко всё ещё продолжавшему аплодировать пожилому японцу. Я разочарованно опустил голову: не то, чтобы она мне очень понравилась, но больно уж несоответствующей оказалась роль.

Тут я заметил, что передо мной на коленях уже стоит моя официантка с полной банкой «Гиннеса». – Я не заказывал вторую, – строго сказал я.

- У нас – Happy Hour, – кратко пояснила она. – Вторая бесплатно.

⁵ Цинь Ши Хуан (259–210 гг. до н. э.) – первый император Китая, силой объединивший семь враждующих феодальных княжеств в единую державу. Провёл целый ряд реформ: создал законодательную основу централизованного государства, ввёл единые деньги, систему мер и письменность, построил сеть дорог и Великую Стену, а тж. мн. др. Прожил всего 49 лет; отличался неуёмной энергией и деспотизмом, что даёт основания некоторым историкам называть его «китайским Петром I» (либо Петра I – «русским Цинь Ши Хуаном»).

⁶ Эпоха Троецарствия (220–280 гг. н. э.) – период активного внедрения буддизма в китайскую культуру и, как следствие, возникновения новых тенденций в литературе и искусстве. Также характеризовался существенным повышением роли женщин в политической и культурной жизни.

⁷ Ихэтуань («Союз Единства и Справедливости») – националистическое движение конца 19-го – начала 20-го века, выросшее из эстетизированных сектантских триад и направленное на избавление Китая от колониальной зависимости и заодно искоренение всего иностранного. Было жестоко подавлено коалицией европейских стран; лидеры восстания казнены.

Пришлось лишь обречённо пожать плечами – отказываться от дармового пива мне показалось в тот момент верхом извращённости. Вдобавок, первый «Гиннес» уже оказал некоторое расслабляющее действие, и захотелось немного пошалить.

Когда она заканчивала старательно наполнять кружку, я слегка наклонился к её виску: – Ты знаешь, что ты очень красивая? – тихо сказал я ей по-китайски, внимательно наблюдая за реакцией. Дрогнули лишь кончики её ресниц; да ещё по слегка зардевшимся краям щёк можно было догадаться, что она всё прекрасно поняла. Она опять низко поклонилась, поднялась и встала за моей спиной.

Впрочем, умению китайнок никак не проявлять свои эмоции я перестал удивляться уже много лет назад.

Как-то, ещё в конце 80-х меня впервые занесло в южный Китай – вечно свобододолюбивый и шальной город Гуанджоу⁸, который даже в самые мрачные времена пролетарской диктатуры умудрялся сохранять дух независимой эксцентричности, а в вольготные годы реформ стремительно расцвёл дивным сочетанием цветов и звуков, казалось бы, несовместимых цивилизаций и эпох.

Гремящие эстакады хайвэев, веерами разлетевшиеся над туманными излучинами дельты реки Жемчужной, рассекли древний мегаполис на множество плоскостей, в которых жизнь текла хотя и одновременно, но словно с различной скоростью.

Вздымающиеся громадины ультрасовременных отелей были насыщены ярким сиянием цветной рекламы, пульсирующей музыкой MTV, вкрадчивым шорохом лимузинных шин, оживлённым многоязыким гомоном и разноголосыми трелями мобильных телефонов, но, случайно спустившись вниз по каким-то истёртым ступенькам, ты неожиданно попадаешь на запруженную велорикшами, несмотря на поздний час, тесную улочку средневековых домишек с посудными лавками, более напоминающими коллекции редкостного антиквариата, а прямо на тротуаре сидел древнего вида старик в лохмотьях, расписывая изнутри тончайшие до прозрачности фарфоровые вазы.

Самозабвенно раскачиваясь, он дрожащей рукой вводил длинную, кривую кисть в горлышко и вдруг одним неуловимым движением создавал на внутренней поверхности диковинный пейзаж микроскопической тонкости, превращающий незамысловатой формы сосуд в музейный экспонат; потом неспешно закурив, брал в руки следующую вазу и, повертев её в руках, двумя-тремя прикосновениями изображал, скажем, альковную сцену из романа «Сон в красном тереме»⁹.

⁸ По канонам советского китаеведения, название города должно писаться «Гуанчжоу». Тем не менее я, здесь и далее, по возможности даю более благовидную (надеюсь!) транскрипцию китайских имён и географических названий. На мой взгляд такие неудобоваримые буквосочетания как «чж», «цз» и др. только незаслуженно отпугивают нормальных людей от всего китайского.

⁹ "Сон в красном тереме" – китайский роман 18 века; эпическое повествование о судьбе многих поколений большой аристократической семьи. Роман состоит из нескольких миллионов иероглифов. По преданию, первый русский переводчик романа свихнулся, так и не завершив работу всей своей жизни.

А перейдя грязноватый канал по ребристому мостику, изгибающемуся словно драконья спина, ты вдруг оказывался на тихой набережной, вдоль которой важно стояли полусонные каменные особняки Викторианской постройки с аккуратными английскими лужайками и искусно подсвеченными колоннами пальм.

Горячими влажными ночами по городу витал дурманящий аромат любви, причём в самом буквальном смысле – из-за невероятной столпотворённости у бесчисленных парочек просто не оставалось шансов для романтического уединения, иначе как на плоских крышах громоздящихся друг на друга крошечных домиков, в жидких кустах скверов, а то и прямо на скамейках автобусных остановок.

Юг оказался совершенно несхож с уже знакомым мне Китаем. Тут всё было словно в совсем другой стране, даже завораживающе воркующий язык. Приезжие китайцы из других провинций объяснялись с местными жителями с помощью иероглифов, написанных на запястьях.¹⁰

Рынки будто насмехались над ограниченностью воображения, неспособного даже представить себе подобное разнообразие экзотической снеди. Среди бесконечных терриконов невиданных тропических плодов, не имеющих названия ни на одном европейском языке, случайно встреченные ананасы и бананы казались чуть ли не исконно родными продуктами с дачных грядок среднерусской полосы.

Мясные ряды рождали ещё более разноречивые чувства. Любовно разложенные связки освежёванных крыс аппетита как-то не возбуждали, от переплетённых узоров змей всевозможных расцветок нехорошо рябило в глазах, а розовые ладошки разделанных тушек обезьян рождали тошнотворные ассоциации с детскими трупиками. Во многих ресторанах Юга, несмотря на недавний официальный запрет, требовательным гурманам по-прежнему подавали живой мозг прародителей человека...

В белоснежном ресторане нашей 5-звёздной гостиницы приматов не сервировали. Там царила рафинированная западная цивилизованность с весьма уместно и умело вплетёнными фрагментами азиатских изысков. Официантки все как одна были с модными тогда на китайском Юге короткими стрижками и выбритыми затылками, что в сочетании с их тонкими пчелиными фигурками, облачёнными в чёрные, по щиколотки платья с разрезами почти до пояса, создавало необычайно эрогенную атмосферу.

Нас каждый вечер обслуживала самая красивая из них. Было заметно, что она привыкла вызывать всеобщее восхищение, и оттого выражение её холёной мордашки выглядело нарочито безразличным и даже несколько надменным.

Её нисколько не впечатляли любезности и комплименты, расточаемые моими спутниками и охотно переводимые мною на китайский. Она снисходительно выслушивала потоки красноречия, молча продолжая до самых

¹⁰ Со времён феодальной раздробленности в Китае существует более 30 устных диалектов, разнящихся между собой настолько, что их лингвистически правомерно считать разными языками. Иероглифическая письменность остаётся единым (и порой единственным) способом общения на всей территории страны.

краёв наполнять пивом наши стаканы, со сверхъестественной точностью наклоняя их горлышком бутылки, чтобы не дать подняться пене. Миловидное фарфоровое личико её как обычно ничего не выражало, и мне всё нестерпимее хотелось каким угодно способом всколыхнуть на его поверхности хоть какие-нибудь человеческие эмоции.

...Она стояла справа от меня, пиво замедленно лилось по стеклу стакана, разрез её платья чуть покачивался на уровне моего плеча, и внезапно повинуясь какому-то сумасбродному импульсу, я скользнул рукой прямо между складками бархата и слегка обнял оказавшееся неожиданно мягким колено.

- Милая Сяо Юнь, – вкрадчиво произнёс я, нахально заглядывая ей снизу прямо в глаза, – Неужели ты так и не прольёшь ни капли?

Ни тени не пробежало по её лицу. Ледяное пиво продолжало сползать в стакан, она всё так же отрешённо смотрела на горлышко бутылки. На мгновение я почувствовал себя полным идиотом, однако просто взять и убрать руку было теперь уже и вовсе нелепо.

За столом все оторопели, а я, совершенно сбитый с толку её невозмутимой реакцией, в безудержном хулиганском кураже продолжал медленно поднимать пальцы вдоль шелковистого бедра, отчаянно ожидая удара бутылкой по голове...

Пиво с шипением поползло на скатерть, и в этот момент мою ладонь будто ошпарило всплеском вскипевшей лавы. По-змеиному гибко отшатнувшись, она окинула меня бесстрастным, как и прежде взором, и только вспыхнувшие искры в расширенных зрачках придали её облику на какой-то миг нечто пронзительно самурайское. Секунду она стояла неподвижно, потом подняла поднос и горделиво пошла по проходу...

За те последние два дня, что мы оставались в гостинице, она больше ни единожды не приблизилась к нашему столику, и всякий раз, когда я с физиономией раскаявшегося негодяя направлялся в её сторону, незаметно исчезала за колоннами огромного ресторана.

...После второго «Гиннеса» моё настроение заметно улучшилось. Даже японцы стали казаться вполне симпатичными ребятами. Во всяком случае, их веселье уже не выглядело таким уж кретинским.

«Ну и куда ты сейчас пойдёшь?» – спросил я себя, – «Тут по крайней мере не очень скучно». Я обернулся к стоящей за спиной официантке. – Ещё одну? – с готовностью спросила она. Лицемерно вздохнув, я кивнул.

Через несколько секунд она снова стояла передо мной на коленях, старательно наполняя кружку.

- Как тебя зовут? – чрезвычайно вежливо поинтересовался я.¹¹

- Яо Лин Яо, – тихо, но мелодично ответила она, поднявшись, и снова встала на своё обычное место.

«Яо Лин Яо – лян де пиао»¹² – моментально пришло мне в голову простенькое двустишие. В написанном виде это должно выглядеть довольно изящно. Интересно, а из каких иероглифов она состоит?

¹¹ «Нин гуйсин дамин?» – Каковы твоё драгоценное имя и почтенная фамилия? (кит.)

Достав шариковую ручку, я написал на салфетке все вспомнившиеся мне «яо». Так: «ранняя смерть» явно не годится, «дьявол, демон, монстр» – тем более, «кусать, рвать» – тоже, вроде, не совсем...

Ага! Вот «стих, баллада» куда лучше, а это и совсем классно – «мягкая благодарность»... А какой «лин» сюда подойдёт лучше всего?

Я даже забыл о пиве, увлечшись головоломной игрой в иероглифы, ставшей когда-то одним из любимых занятий. По моему глубокому убеждению, иероглифы – это письменность будущего: в них заложена не только невероятная смысловая ёмкость, но и внешняя поэтическая красота – они способны придавать написанным фразам и стихам особую, трёхмерную глубину.

Меня весьма забавляло одно время модное среди эстетствующих московских особ увлечение «восточной поэзией». Как-то ещё в далёкие курсантские годы на одной из вечеринок московской золотой молодёжи в предолимпийской Москве студентка журфака МГУ, закатывая глаза и небрежно теребя пальцами мой бритый затылок, упоённо цитировала мне прочитанного ею где-то Ли Бо¹³, китайского поэта 8-го века, почему-то называя его «ши» японским словом «хайку»:

*Вдруг северный снег, прилетевший из облачной мглы,
преследуя ветер, унёсся за берег морской...
Окончилась белая песня – я снова одна в тишине.¹⁴*

- Чувствуешь, какой ритм в этом «хайку»? – с низкими придыханиями спрашивала меня будущая журналистка-международница, когда мы, куря на двоих одну болгарскую «Стюардессу», сидели на перилах балкона «сталинского» дома где-то на Большой Дорогомиловской. Из комнаты доносился ритмичный перезвон «Арабесок» и дикие визги танцующих. – А ты можешь произнести, как это звучит по-китайски?

Так как Ли Бо на 2-м курсе мы ещё не проходили, я, не задумываясь, бодро продекламировал ей какой-то рифмованный лозунг из цитатника Мао Цзэдуна. Она ещё самозабвеннее закатила глаза: – Бля, да это прямо Ахматова! Ты ваще чувствуешь, какая тут офигеннейшая глубина образа?!

Однако в процессе борьбы с неизвестной конструкцией застёжки её лифчика мне было не до философствований, и я, каюсь, так и не объяснил ей, что красота китайских стихов – совсем не в звучании, и даже не столько в их глубинном смысле, сколько в выразительности начертания. Китайцы

¹² «лянь де пиао» – очень красивая (инверсия)

¹³ Ли Бо – величайший китайский поэт эпохи Тан, символизирующей золотой век поэзии Китая. Многие литературоведы называют его «китайским Пушкиным». Поэт утонул в нетрезвом виде, пытаюсь извлечь из реки отражение луны. (Любопытно его пророческое стихотворение «Пьянствуя наедине с луной»)

¹⁴ перевод Ахматовой или Гитовича из цикла (кажется) «Песни осеннего берега» (а может «Путешествие при северном ветре»?)

воспринимают и любят поэзию исключительно глазами (что, впрочем, не так уж и удивительно, приняв во внимание крайнюю неблагозвучность их языка).

Величайшие поэты Восточной Азии слыли прежде всего мастерами каллиграфии. Искусство красивого письма там всегда было по меньшей мере равноценно лучшим произведениям живописи. Существует огромное множество музеев, скучнейших с точки зрения европейца, где все стены увешаны бумажными и шёлковыми свитками, испещрёнными письменами различных размеров, стилей и периодов. Загипнотизированные азиаты бродят между ними в немом благоговейном почтении, порой надолго застывая перед одним-единственным, небрежно намалёванным знаком.¹⁵

Не могу похвастать исчерпывающе глубоким проникновением в тайники китайской души, но ценить красоту и дух изящно или смело начертанного иероглифа я всё же постепенно выучился.

Мои многочасовые упражнения с кистью и тушью одно время даже вселили в меня дерзкую надежду стать одним из избранных, умеющих облечь в графическую форму не только смысл, но и мистическую ауру, веками окутывающую древние пиктограммы, тем более что все мои китайские друзья, вежливо склоняя головы, в один голос уверяли, будто моя писанина – чуть ли не вершина каллиграфического мастерства.

Однако когда с огромным трудом (после совместного поглощения невероятного количества «пидзю»¹⁶) мне всё же удалось добиться от одного из них искреннего мнения, я с несколько уязвлённым самолюбием выяснил, что «написано очень красиво, ну замечательно красиво!... вот только чересчур уж старательно, словно ребёнком... или иностранцем».

Увы, всех нюансов вдохновенного полёта китайской кисти белому человеку, видимо, не постичь никогда...

Чтобы поскорее разобраться с загадкой имени Яо Лин Яо я залпом опорожнил остающиеся полкружки. Не успела кружка опуститься на стол, как она уже стояла передо мной на коленях с новой банкой.

- Какой из этих «яо» твой? – спросил я, показывая на покрытую иероглифами салфетку.

Она аккуратно налила пиво, поклонилась и встала. – Извините, но нам нельзя разговаривать с посетителями на личные темы. «Яо Лин Яо» – это мой номер, – пряча улыбку, всё же добавила она, указав на свою левую «синичку», где блеснул незамеченный мною жетон с цифрами «101».¹⁷

¹⁵ Неимоверная любовь китайцев к Мао Цзэдуну объясняется помимо прочего ещё и тем, что он был отменным каллиграфом, а это, в глазах китайцев – неоспоримый, божественный признак избранности. Кстати, заглавие центральной газеты Китая «Жэньминь Жибао» – творение его руки:

¹⁶ «пидзю» - пиво (кит.)

¹⁷ «яо лин яо» - 101 (кит.)

Мне внезапно стало смешно: какой же я болван! Битые полчаса подбирал фамильные иероглифы с тайным смыслом, не сообразив, что это всего-навсего порядковый номер 101!

Продолжая посмеиваться, я взял салфетку и написал на ней: «Яо Лин Яо – пиао лиан де хао», что означало: «номер 101 – очень красивая». Или «красивый»? В любом случае полная ахиня!

Она, тем не менее, краем глаза с любопытством следила за моими манипуляциями. Когда я отодвинул в сторону исписанную салфетку и взялся за кружку, она незаметным движением убрала салфетку со стола. Я расстроено вытянул губы: вот она, судьба произведений искусства! Вспомнился отчего-то Высоцкий: «я писал ей стихи на снегу, на снегу – к сожалению тают снега...».

Интересно, а что выйдет если выразить это по-китайски, пришло мне в голову после знатного глотка. Поставив кружку, я потянулся было за другой салфеткой, но тут заметил прямо перед собой блокнот с лежащей на нём хорошей перьевой авторучкой. Я с удивлением взглянул на неё – какая сообразительная девочка! Она с невозмутимым выражением лица стояла за спинкой моего дивана, сложив руки за спиной.

Я задумчиво взял ручку. Так, так...! «Я написал на снегу прекрасные иероглифы, но снег, к сожалению, растаял...» – Высоцкий на китайском выглядел странновато, но весьма выразительно. Не хуже Ли Бо или даже Ду Фу.¹⁸

Мне было заметно, что через моё плечо она внимательно разглядывает написанное. Что ж, если нельзя разговаривать – можно общаться письменно: так даже экстравагантнее. По правде говоря, я нечасто сталкивался в Китае с подобными строгостями, однако подумав рассудил, что в этом баре они действительно уместны: каково-то им болтать с подвыпившими клиентами на личные темы, стоя при этом на коленях!

Ну-ка, что там ещё есть у Высоцкого сродни китайской душе? Да хотя бы: «А на нейтральной полосе цветы – необычайной красоты». Как будет нейтральная полоса? Забыл ведь, шут её дери! Впрочем, важен ведь смысл... так, так... вот: «Самые красивые цветы растут там, где ими никто не может любоваться...» – получился прямо какой-то элегантный древнекитайский намёк.

Я украдкой взглянул на Яо Лин Яо: её и без того отчаянно раскосые глаза от удовольствия разъехались буквально до ушей – она действительно приняла это на свой счёт! Ну так и что же, зачем разочаровывать девушку? Может быть ей ещё никто в жизни не писал стихов.

За окном раздался удар грома такой силы, что даже неугомонные японцы на мгновение притихли. Ливень косыми линиями ретушировал стёкла, и я вдруг подумал, что ровно десять лет назад в тёмном небе Пекина точно так же лил дождь...

¹⁸ ещё один «китайский Пушкин» (поэт 8-го века н. э., эпоха Тан)

19 мая 1989 года
Хабаровск, Разведывательное Управление Штаба КДВО ¹⁹

- ...Так почему же, по-вашему, китайское правительство не принимает никаких мер? – полковник Лавренчук отошёл от окна и наконец посмотрел на меня.

- В правительстве раскол, товарищ полковник. Студентов поддерживают слишком уж широкие слои населения. Армия тоже разделилась. Баланс сил примерно равный. Сейчас всё зависит от того, на чью сторону встанет Дэн.²⁰

- М-да, – задумчиво протянул Лавренчук, потирая свой хищный нос, – Что-то немислимое там творится...

В Китае действительно происходило нечто труднообразимое. Безобидные, казалось, студенческие демонстрации, начавшиеся на площади Тяньаньмэнь в конце апреля, за несколько дней раскололи всю страну на две более несовместимые части: сторонников демократических реформ и приверженцев заскорузлой коммунистической системы.

Студенты поначалу просили не столь уж, в сущности, и много: элементарных политических свобод, обуздания коррупции чиновников, улучшения жизни интеллигенции. Однако накопившееся за многие годы недовольство в разных слоях общества выплеснулось в единую стихийную волну, грозившую теперь смести основы режима.

Трещина прошла через самую вершину гигантского айсберга: на стороне студентов оказались и сам генеральный секретарь компартии Китая Джао Дзыян (давно, впрочем, не скрывавший своих либеральных взглядов), и значительная часть ЦК, и многие военные. Митинги молодёжи на Тяньаньмэне стали катализатором многомиллионных демонстраций по всей стране. Прогрессивная пресса и телевидение, позабыв все запреты и цензуру, в открытую выступали с поддержкой самых радикальных требований демонстрантов.

Наименее объяснимым было то, что всё это происходило совершенно безнаказанно. Власть, казалось, охватил паралич. Грозные окрики злобного коротышки Ли Пэна²¹, только сильнее разжигали пожар недовольства.

Пытаясь снизить накал конфронтации, Джао Дзыян несколько раз выходил на Тяньаньмэнь к студентам и, склонив не седую ещё голову, со

¹⁹ КДВО – Краснознамённый Дальневосточный Военный Округ

²⁰ Дэн Сяопин (1905–97) – архитектор китайских реформ, превративших отсталую экономику КНР в одну из самых динамичных в мире. Став Генеральным Секретарём ЦК КПК ещё при Мао Цзэдуне, был репрессирован за свои неортодоксальные взгляды. После смерти Мао в 1976 году возглавил борьбу с его последователями и на долгое время завоевал положение верховного китайского лидера. К 1989 году уже оставил почти все официальные посты, но по-прежнему являлся самой влиятельной политической фигурой в Китае.

²¹ Ли Пэн – в 1989 г. занимал пост Премьера Госсовета КНР, т. е. был главой исполнительной власти. Отличался крайним консерватизмом просоветского стиля и с самого начала волнений стал лидером коалиции сторонников их решительного подавления.

слезами на глазах умолял их прекратить голодовку протеста, но и это не возымело никакого действия. К середине мая правительство вообще словно перестало существовать: оттуда не поступало никаких распоряжений или указов, да и вообще каких-либо официальных сведений. Лишь по отдельным косвенным признакам можно было догадываться какая невидимая, но напряжённейшая схватка за власть кипит за толстыми стенами Джуннаньхай²².

Вот уже три недели мы с ребятами круглосуточно дежурили в радиоцентре, обрабатывая колоссальный поток самой противоречивой информации. Голова пухла от наушников, но оторваться от радио было просто невозможно. Невероятные события происходили с калейдоскопической быстротой. Казалось, Китаю остаётся лишь шаг до свободы...

- ...Так на чью сторону всё же склоняется Дэн? Когда в последний раз он появлялся на публике? – снова спросил Лавренчук.

- Уже двенадцать дней – полная тишина. Мы даже не знаем, где он. А кого он поддержит – сказать трудно. С одной стороны, Джао – его ставленник и любимец, но с другой... Студенты требуют теперь слишком уж решительных перемен.

- Но он же и сам реформатор. За это и пострадал в своё время при Мао.

- Речь идёт о полной смене режима, товарищ полковник. Без компартии. А с этой точки зрения Дэну ближе позиция Ли Пэна.

- А насколько радикален Ли Пэн? Пойдёт ли он на компромисс со студентами, чтобы снять напряжение?

- Ли Пэн – это оловянный солдат. Будь у него достаточно власти – он бы уже давно разделался и со студентами, и со всей оппозицией. Самыми жёсткими мерами.

- А как настроена армия?

- В НОАК²³ тоже полный раскол. 38-я армия отказалась выполнить приказ очистить Пекин от демонстрантов. Командарм сегодня заявил, что его солдаты никогда не будут стрелять в студентов.

- Генерал Сюй?! Командующий элитной «дворцовой» армией?! Он ведь самый молодой и перспективный генерал НОАК! И к тому же сын прославленного маршала...

- Да, и ещё: восемь генералов из высшего командного состава во главе с министром обороны подписали обращение к ЦК с требованием отказаться от применения силы и начать диалог со студентами.

Лавренчук снова подошёл к окну. – А это уже по сути дела гражданская война... – проговорил он задумчиво.

В этот момент в кабинет без стука влетел Сашка Бутенко. Его уши полыхали то ли от возбуждения, то ли от многочасового сидения в наушниках. – Ли Пэна сняли, товарищ полковник! – почти закричал он. – Сегодня ночью на закрытом заседании ЦК!

²² Джуннаньхай – резиденция китайского правительства в Пекине, расположенная к западу от Запретного города, древнего дворцового комплекса китайских императоров.

²³ НОАК – Народно-Освободительная Армия Китая

- А что вы так радуетесь, Александр Витальевич? – саркастически осведомился Лавренчук. – Реформ вам захотелось? Так они дореформируются – что там, что здесь...

Он сел за стол. – Откуда информация?

- От дядюшки Бо, товарищ полковник. Это надёжно! Но СМИ пока молчат.

«Дядюшка Бо» был одним из наших «источников» в ЦК КПК, где работал его зять.

- Подготовьте донесение в Москву. Но пока не отправляйте – дождёмся официального подтверждения.

- Есть, товарищ полковник, – недовольно пробурчал Бутенко, поворачиваясь, чтобы идти, но в дверях столкнулся с входящим майором Золотовым.

- Джао Дзыян снят, товарищ полковник, – с порога сказал тот. – Исключён из партии и арестован. С ним ещё сорок два человека из ЦК. Ли Пэн – глава временного чрезвычайного правительства. Только что объявлено военное положение.

- Откуда информация? – стремительно вставая, спросил Лавренчук.

- Все радиостанции передают, товарищ полковник. Официальное заявление ЦК.

Мы бросились в радиоузел. Ребята сидели, уже сняв наушники – изо всех репродукторов разносился один и тот же металлический голос: – ...За допущенные контрреволюционные перегибы и попустительство деструктивным элементам снять с занимаемых постов следующих товарищей... Ввести на всей территории страны военное положение... Всякое неподчинение правительству будет строжайшим образом...

Я посмотрел на Лавренчука. Дэн сделал свой выбор!

- Подготовьте срочное донесение в Москву, – приказал Лавренчук. – С анализом вероятных вариантов развития событий. Да, и кстати, с днём рождения вас, товарищ капитан, – добавил он и вышел.

- Какой тут на хрен анализ! – мрачно усмехнулся кто-то. – Пиз..ец завтра студентам, а всем остальным – снова молчать и бояться. Вот и весь анализ.

- Да нет, они ещё недельку-другую поиграют в демократию, – задумчиво произнёс Витя Золотов. – Так сразу всё это не потушить, да и мировое мнение им надо подготовить...

Витюша, как всегда, оказался прав.

На военное положение поначалу никто словно не обратил внимания. По всему Китаю с новой силой покатались волны демонстраций в поддержку студентов и с требованиями отставки правительства Ли Пэна. Мятёжная 38-я вышла из Пекина и заняла оборонительные позиции на путях спешно подтягиваемых к столице лояльных правительству 27-й и 28-й армий. Офицеры 38-й в открытом эфире уговаривали их не стрелять в собственных братьев и детей.

Заканчивалась уже вторая неделя военного положения, а никакой определённости не было. По обрывочным сведениям, мы чувствовали, что надвигается нечто ужасное, но ещё верилось, что не всё потеряно...

19 мая 1999 года
Пекин, отель «New World»

... В баре стало ещё шумнее и многолюднее – к веселящимся японцам примкнула новая группа, полная свежих сил. Я искренне порадовался за проституток – у них сегодня был явно удачный вечер.

Впрочем, понаблюдав за поведением китайнок повнимательнее, я понял, что их присутствие за столами вовсе не означало, будто все они тем же составом автоматически переместятся в койки. В Китае всё большее распространение получали традиции гейш, когда хорошо образованные девушки составляли компанию кутящим мужчинам, ненавязчиво поддерживая беседу или просто создавая приятную атмосферу за столом. Причём оплачивался такой «интеллектуальный эскорт» куда дороже, чем традиционный незамысловатый трах.

Судя по доносившимся со всех сторон обрывкам разговоров, да и по внешнему виду, в зале кроме обслуживающего персонала и дюжины «сяодзе»²⁴, совсем не было китайцев, по крайней мере молодёжи, и это не казалось удивительным. Китайская молодёжь в последние годы стала заметно чураться иностранцев. Происходило явное смещение приоритетов в сторону собственных, не так давно высмеиваемых, культурных ценностей. Всплеск национального самосознания приобретал подчас уже тревожаще гипертрофированные формы...

Неожиданно в тёмном углу зала замельтешила череда ярких разноцветных огоньков, обнаружив прежде незаметную маленькую сцену с огромными телеэкранами по краям, и по бару пронёсся торжествующий вопль: начиналось одно из излюбленных забав азиатов – караоке. Признаться честно, мне тоже в своё время сразу полюбилось это изобретение, стремительно набравшее популярность по всей Азии, демократично дающее право самовыразиться любому человеку без особых музыкальных способностей.

Как жаль, что таких душевных развлечений и в помине не было в те времена, когда гулять и петь хотелось постоянно. Одним из моих самых беспросветных воспоминаний о России до сих пор остаётся залитый мертвенным свечением ламп "дневного" света зал ресторана «Интурист», оглушающий рёв лабухов с хамскими рылами, десятикратно исполняющих на заказ «Стюардессу по имени Жанна», развязных джигитов, дожидаящихся у сцены своей очереди, чтобы в обмен на засаленный червонец ещё раз с неизменно-маниакальным азартом сплясать лезгинку, красные физиономии людского стада, топчущегося и скачущего в несуразном танце без названия и стиля, удушающий запах пота и алкогольных отрыжек, безуспешные попытки докричаться в пылающее ухо соседки по столу...

²⁴ Сяодзе – девушка, барышня, мисс (дословно – «маленькая хозяйка», «сестрёнка»; контекстуально – «проститутка»)

Взяв кружку в руки, я устроился поудобнее: самому выползть на сцену настроения у меня не было, а вот понаблюдать за поддатым и расшалившимся азиатским народом иногда может быть по-настоящему занятно.

Поначалу у сцены даже образовалась небольшая очередь – разгулявшимся японцам не терпелось явить свою вокальную одарённость. Однако предвкушаемая потеха как-то не заладилась. Гости из Страны Восходящего Солнца, как всегда, желали исполнять исключительно собственные японские песни, коих в репертуаре этого бара значилось отнюдь немного, да и те по какой-то загадочной случайности одна за одной оказывались то заедающими на самом начале, то с несовпадающими звуковой и визуальной дорожками, а то и вовсе перепутанными с популярными китайскими хитами.

Некоторые менее патриотично настроенные японцы пытались было спеть хотя бы по-английски, но и здесь их поджидали странные неурядицы: звук либо принимался плыть, либо неожиданно убыстряться, либо внезапно менялась тональность, что делало пение совершенно нелепым и комичным.

Я догадывался, что ничего мистического на самом деле не происходит: при ярко выраженной любви к «Тойотам», «Шарпам» и йенам, китайцы отчуждённо, а порой и явно недружелюбно относятся к самим японцам. Из памяти ещё не стёрлись ковровые бомбардировки Шанхая²⁵, резня в Нанкине²⁶, изуверские эксперименты над людьми в Маньджоу-Го²⁷.

Столь гордо лелеемая японцами их утончённая культура вызывает у обитателей Срединной Империи²⁸ особое раздражение – они считают её противоправно присвоенной и до неузнаваемости исковерканной (что, впрочем, имеет под собой некоторые исторические основания).

Скорее всего, невидимый залу ди-джей был просто завзятым японофобом и злокозненно норовил хоть чем-то досадить окаянными соседям по континенту, что было совсем несложно, благодаря обширным техническим возможностям его пульта. Демонстрируемая мораль была вполне прозрачна: приехал в чужую страну – изволь выказывать уважение к местным традициям, образу жизни и языку.

Сконфуженные японцы по одному разбредались к своим столикам. Празднично освещённая сцена опустела, по залу переносился шум растерянных

²⁵ массированные налёты японской авиации на густонаселённый город в 1937 году, в результате которых погибли сотни тысяч мирных жителей.

²⁶ массовые убийства и изнасилования гражданского населения Нанкина в течение шести недель, начавшись в декабре 1937 года. По разным оценкам, в городе и окрестностях погибло до полумиллиона человек.

²⁷ Маньджоу-Го – образованное японцами в 1932–45 гг. марионеточное государство на территории Маньджурии – исторической области, находящейся в Северо-Восточном Китае. Протекторат был создан под эгидой последнего китайского императора – Пу И (маньджурской династии Цин), отстранённого от власти в возрасте 5 лет в результате революции 1912 года.

²⁸ Джун-Го – так называют Китай сами китайцы; дословно переводится как «срединное государство». Китайцы совершенно искренне убеждены, что их страна является центром мира.

голосов, развесёлое воодушевление публики словно испарилось. В баре сразу стало невыносимо скучно. Я сделал объёмный глоток и поднялся – кто-то ведь должен взять в руки флаг великой культуры китайского народа.

Ко мне тут же подлетела девушка с английским песенным меню в тонкой папке: – Что вы желаете исполнить, мистер?

– «Ганьяньшу»²⁹, – сказал мистер, гордо отстраняя папку. – Я желаю исполнить свою любимую китайскую песню «Ганьяньшу».

Сначала она даже не сообразила, что происходит, но тут же в её глазах заблестело насмешливое любопытство – она наверняка уже предвкушала, как ещё один «заморский дьявол»³⁰ простодушно опростоволосится на потеху многолюдного зала.

Однако мой психологически высчитанный виртуальный ди-джей не подвёл. Он с ходу подстроил мелодию под удобную для меня тональность, и даже интеллигентно прочувствовал момент, когда моему несколько вибрирующему от алкоголя голосу срочно понадобится нарастающий «бэкграунд вокал» обалденно красивых женских голосов, переплетающихся в немыслимых терциях:

*Не спрашивай меня, откуда я –
Моя родина слишком далеко.
Так зачем же я иду, и иду по этой земле?
Да потому что где-то на ней растёт
Оливковое дерево моей мечты... –*

Пел я, пытаюсь перекричать всё более и более оглушительные овации зала. Под заключительные аккорды вопили и восторженно аплодировали уже все, даже вылезшие из каких-то подсобок толстые повара в белых колпаках. Мне вдруг пришло в голову, что для всего этого азиатского люда я наверняка выгляжу словно экзотическая обезьяна, неожиданно заголосившая по-человечески. Тем не менее было всё равно почему-то до мурашек приятно. Суеславие, блин...

Под потолок взлетали откуда-то взявшиеся ленты серпантина, конфетти, ослепительно вспыхивающие блёстки. Когда я лихо спрыгнул со сцены, кто-то всучил мне в руки огромный букет неестественно алых цветов, который я тут же передал очень кстати оказавшейся рядом Яо Лин Яо.

Она от неожиданности вся вспыхнула под стать букету и в смущении исчезла. Цветов ей, похоже, тоже никто ещё не дарил. Но если сказать честно, галантность в том момент была далеко не доминирующим побуждением – я уже нестерпимо хотел в туалет, и плохо представлял себе, как я справлюсь с насущной задачей, держа в руках этот гигантский веник.

Некоторые японцы вставали из-за столиков, мимо которых я проходил, и вежливо кланялись, другие продолжали хлопать, вытягивая руки чуть ли не к моему лицу.

²⁹ «Ганьяньшу» – «Оливковое дерево». Популярная в Китае песня 90-х годов

³⁰ «заморский чёрт» – термин, обозначающий в Китае любого иностранца, особенно европейца.

Лёд отчуждения, подёрнувший было зал, моментально растаял. У сцены уже снова толпились соискатели сладкой исполнительской славы. Притухшее веселье взметнулось с новой силой. Ди-джей простил всех – со сцены гремели уже ничем не омрачаемые японские мотивы. Официантки с подносами забежали с удвоенным энтузиазмом.

Когда я вернулся к столику, на нём лежал небольшой листок, покрытый аккуратной вязью каких-то стихов, при взгляде на которые я на мгновение оторопел:

*Вдруг северный снег, прилетевший из облачной мглы,
преследуя ветер, унёсся за берег морской.
Окончилась белая песня – я снова одна в тишине...*

Я смотрел на прилежно, почти по-детски написанные иероглифы, испытывая невероятное ощущение, будто моя нескладная жизнь после внезапного поворота вдруг пружинно вернулась в некую исходную точку, придав всему тому, что я волок за собой ненужным хламом, осмысленность и безжалостную логическую завершённость, которая пока ещё ускользала от моего отягощённого «Гиннесом» сознания.

Тряхнув головой, я попытался отогнать наваждение и уразуметь тайное значение послания, донесённого до меня невообразимым ветром времени, однако кайфующий мозг, не желая напрягаться, предательски шепнул: Завтра... Обо всём подумаем завтра. Нам спешить некуда...

Спешить действительно было некуда. Я сел. Интересно, сколько мне торчать ещё в этом проклятом Пекине?

На этот раз судьба занесла меня сюда после короткой, но энергичной командировки из Сиэтла в южно-китайский городишко Фуджоу. Три дня, проведённые там, состояли из ползания по штабелям необыкновенно пахучих мешков с рыбной мукой, совместно с представительницей русского рыболовецкого колхоза (чьим агентом работала наша американская фирма, и чью заплесневелую продукцию отказывался принимать китайский покупатель), а затем яростных споров с китайцами, язык которых я за четыре года жизни в Америке уже начал было подзабывать.

К концу третьих суток какой-никакой консенсус был достигнут, и перед примиряющей пьянкой в ресторане сычуаньской кухни, я наконец смог позвонить в американское консульство в Пекине, где мне предстояло получать визу для возвращения в США. То, что сообщил их автоответчик, повергло меня в полное уныние: консульство было по-прежнему закрыто, в результате того, что идиоты американцы двумя неделями ранее уронили бомбу на китайское посольство в Белграде.

Уже несколько дней как улеглись санкционированные демонстрации новых, теперь уже послушных китайских студентов, которым впервые за последние годы разрешили организовано подебоширить и побить камнями стёкла американских представительств и офисов (а заодно, для пущей видимости демократии, начистить морды нескольким попавшимся под руку столь ненавистным здесь полицейским), однако консульство оставалось закрытым «до особого распоряжения», что существенно расстраивало мои дальнейшие планы.

Перспектива прибытия в Америку, не имея в паспорте визы, сулила немалые проблемы с иммиграционными властями, которые могли в очередной раз добродушно удивиться моему нахальству, ну а при худшем раскладе – просто без слов депортировать незнамо куда.

Вот почему я теперь сидел в Пекине, дожидаясь этого самого «особого распоряжения», которого в ближайшем обозримом будущем не предвиделось: дипломатический конфликт разгорелся не на шутку. Программы китайских новостей начинались с яростного обличения «американского гегемонизма» на фоне дотошно крупного плана обугленных югославских младенцев, рожениц с оторванными ногами и развороченными животами – результатов попадания очередной «сверхточной» американской бомбы в очередной родильный дом.

Порою страстно хотелось, чтобы эти жуткие кадры хоть раз показали по самодовольному американскому телевидению, инфантильно умилявшемуся успехами Пентагона в благородной миссии наказания «негодяя» Слободана Милошевича, и настырно демонстрировавшему по-бутафорски чумазных албанских крестьян, которые как один на бойком английском живописали кошмары «геноцида» и «этнических чисток».

Священный китайский гнев по поводу «зверств американской военщины» вполне можно было бы разделить, если забыть о том, что югославские ужасы наверняка снимались теми же самими операторами, которые десять лет назад добросовестно фиксировали на плёнку здесь в Пекине куда более леденящие рассудок кадры, так никогда и не ставшие достоянием мира...

...От бестолковых мудрствований меня отвлекла Яо Лин Яо, наполнившая очередную кружку. Которая это уже по счёту? Всё ж таки какая коварная придумка – этот happy hour! Пора, наверное, заканчивать.

Вот-вот, и пора уже заканчивать бессмысленные игры на тонких струнах китайской девичьей души. Это может как обычно невесть куда завести. И действительно – что нужно мне от этой изящной куколочки? В очередной раз потешить тщеславие? Убедиться в неутраченной способности внушать интерес к «исключительности» своей персоны? Зачем?! Чтобы оставить ей ощущение, будто этакое лёгкое экстравагантное приключение – самое лучшее, что вообще может случиться в её жизни? Но кто я такой, чтобы самонадеянно творить столь сомнительные благодеяния? А что, если вместо приятного фимиама экзотики такие эпизоды оставляют в душах долго саднящие царапины?...

Я опять потряс головой. Какие-то назойливые ассоциации не давали мне покоя, настойчиво волоча обратно в смутную толщу полузабытых лет. Подняв глаза, я напряжённо обвёл взглядом происходящее в зале: возбуждённые очередной песней раскрасневшиеся японцы ритмично хлопали в ладоши и скандировали нечто задорное. Мистика какая-то! Второй раз за вечер меня вынесло на тот же берег воспоминаний, куда совершенно неожиданно я угодил всего несколько минут назад...

19 мая 1980 года

Москва, клуб Военного Института Иностранных Языков

- Ленин! Партия! Ком-со-мол!... ЛЕНИН! ПАРТИЯ!! КОМ – СО - МОЛ!!! – гулким эхом разносились по полупустому актовому залу вопли, исторгаемые нашими молодыми курсантскими глотками. Вошедший было в клуб дежурный ошеломлённо зажал уши и быстро скрылся за дверью.

- Ну, всё-всё, молодцы! – успокаивающе махал руками обер-комсомолец Института капитан Петька Бойцов. – Молодчаги. Оставьте силы для вечера!

Мы неохотно утихомиривались, хотя ладони давно горели от неистовых хлопков. Поорать во всю силу лёгких после восьми часов долбёжки китайской грамоты было в кайф. К тому же нашей первой языковой группе несказанно подфартило: вместо физической подготовки на залитом солнцем плацу мы сидели в тёмной прохладе просторного зала и репетировали энтузиазм «группы поддержки» Московской городской партийной конференции, которая должна была состояться в клубе Института нынешним вечером.

Нашей задачей было дружно вскакивать и скандировать дурацкие лозунги всякий раз, когда из-за кулис высывалась жизнерадостная физиономия Петьки. Нас дрессировали уже две недели, и успехи были впечатляющими: я никогда не предполагал, что столько целенаправленного шума способны производить руки и голосовые связки каких-нибудь трёх десятков человек.

Многочисленным нашим коллегам с юридического факультета повезло гораздо меньше: им предстояло провести ещё целый месяц на раскалённых трибунах Лужников, до изнурения репетируя ритуал открытия Олимпийских Игр, а потом вместо долгожданного отпуска скучать до самой церемонии закрытия только лишь ради того, чтобы с помощью разноцветных полотнищ изобразить знаменитого плакучего Мишку. Посмотреть саму Олимпиаду им дозволено не было, поэтому завидовать такой участи вовсе не стоило.

Впрочем, куда менее завидный жребий выпал нашим «персам» – курсантам двух языковых групп, изучавших дару³¹. Ещё перед самым Новым Годом их по тревоге увезли в жёлтых автобусах прямо с утренней зарядки в заснеженном парке МВО, а через неделю мир узнал о государственном перевороте в Кабуле и введении в Афганистан советских войск. Официальная пропаганда очень скудно вещала об «ограниченной интернациональной помощи», однако судя по начинавшим поступать из Афгана гробам, да по кухонным разговорам, да по бойкоту Олимпиады чуть ли не половиной планеты, дело там принимало совсем не триумфальный оборот...

Но думать об этом тогда совсем не хотелось. Впереди сияло безмятежное солнце удлинённых (слава Играм!) каникул, а за ними ждала романтика «спецагранкомандировок», полная приключений и государственного смысла жизнь военного переводчика. Преодолимпийская Москва на глазах хорошела, всё вокруг виделось беспрекословно правильным и незыблемым.

³¹ Дару – один из государственных языков Афганистана, наиболее активно используемый в правительственных и деловых кругах.

...Когда нас ввели в залитый слепящими софитами актовый зал, до неузнаваемости преображённый гигантскими транспарантами, деловито суетящимися вокруг телекамер работниками ЦТ, вальяжно расхаживающими в проходах упитанными депутатами в строгих костюмах, приглушённо переговаривающимися бархатистыми баритонами и источающими благоухание значительности и власти, я вдруг испытал необъяснимую робость. Мне почему-то показалось нестерпимо постыдным на глазах у всех этих важных и взрослых мужчин и женщин, наверняка знающим цену подобной показухе, вскакивать с места и вопить всю бессмысленную чушь, которую так прикольно было поорать в гулком, полутёмном клубе.

«Может быть, до этого дело и не дойдёт», – пытался успокоить я себя, пока мы неловко толкаясь, рассаживались в центре одного из первых рядов амфитеатра, – «Ну зачем этим мудрым государственным мужам наш поддельный верноподданический вздор? Но тогда за каким хреном нас, словно баранов, сюда пригнали?»

Душа затосковала ещё сильнее, когда из-за кулис показалось одухотворённое лицо Петьки Бойцова, означающее что всё это – вовсе не чья-то нелепая шутка. Он сделал нам какой-то таинственный знак и мгновенно исчез. В кресла президиума величественно усаживались гладко причёсанные дядьки, смутно знакомые по газетным фотографиям, генералы в широких лампасах, позвякивая искрящимися наградами.

Я сидел словно в приёмной зубного врача, заранее переживая неотвратимую муку, которая должно была вот-вот наступить. Скопив глаза, я украдкой огляделся по сторонам: может как-нибудь незаметно слинять отсюда? Однако это оказалось уже невозможно – гремя сиденьями, зал торжественно вставал при первых звуках «Интернационала».

С началом выступлений ораторов мозг привычно отключил восприятие, отказываясь впускать в себя бессмыслицу тошнотворно знакомого набора патетических фраз, бесконечно повторяемых в разнообразных комбинациях. Я ёрзал по сиденью, думая лишь о том мучительном моменте, когда придётся подняться из удобного кресла и, сгорая от стыда, заорать нечто восторженное, словно оболваненный хунвэйбин³².

«А что, если не вставать?» – выползла вдруг из глубин подсознания провокационно комфортная идея. – «Сидя и кричать как-то удобнее. Тем более, что сижу последним из наших – в такой толпе будет вовсе незаметно, что кто-то из 30 человек не поднялся».

Эта спасительная мысль сразу придала всему происходящему оптимистическую и даже несколько праздничную окраску. Я приободрился и уже без смущения начал поглядывать на сидящую справа от себя довольно миловидную депутатку с комсомольским значком на левой груди и какой-то медалькой за трудовую доблесть на правой. «Ну а если не вставать, то какой тогда смысл чего-то кричать?» – вполне резонно заключил наконец я.

Однако, к несчастью, моя замечательная идея оказалась далеко не эксклюзивной... В тот момент, когда после бравадного финала речи некоего

³² Хунвэйбин – «красный охранник», «красногвардеец» (кит.). Одурманенная маоистской пропагандой китайская молодёжь, сыгравшая роль бездумной разрушительной силы во время «культурной революции» 1966–68 гг.

комсомольского вождя, мы по замыслу сценаристов должны были дружно вскочив, изобразить полный апофеоз единения коммунистических поколений, и когда по-дирижёрски величаво в разрезе кулис взмыли руки сияющего Бойцова – ...ровным счётом ничего не произошло.

Ребята как один сидели с беззаботными лицами, старательно отводя взгляды от вылезшего из-за портьеры почти до самого президиума Петьки, который зверски тараща глаза всё громче шипел, срываясь на пугающий ультразвуковой хрип: – Ле-нин!! Па-рти-я!!! Ком-со-мол...

В зале стихли аплодисменты и начал нарастать шум недоумения. Никто не понимал, что происходит. Царственные дядьки из президиума принялись с опаской оглядываться на утратившего всякую осмотрительность Петьку. А тот в отчаянии надрывался чуть ли не в полный голос: – Ленин!!! Мать вашу! Негодяи! Баженов! Бутенко! Ле-нин! Аванесов!! Паа-рти-я!!!...

Переход на личности возымел наконец некоторое действие. Мы, словно только что заметив изнемогающего на сцене Петьку, сидя принялись поощрительно похлопывать в ладоши и тихонько нараспев приговаривать: – Ленин... партия... ком-со-мол... Кто-то даже попытался было привстать, но тут же пристыженно опустил плечи, оказавшись в полном одиночестве.

Однако в клубе уже стоял такой громовой хохот, какого наверняка не знал ни один большевистский форум. Зал вибрировал от могучего, вырвавшегося из-под партийного контроля смеха: ревели, вытирая слёзы, уважаемые делегаты, с визгом хохотали деловитые телеоператоры, квохтали сразу сделавшиеся благодущными дедками грозные генералы, тоненько вопила что-то самозабвенное моя симпатичная соседка, посмеивался даже начальник нашего политотдела, да вот только как-то не по-доброму у него это выходило...

А мы, тоже задыхаясь от смеха и ощущая себя настоящими звёздами, могуче надсаживали натренированные глотки, временами даже перекрывая рёв разбушевавшейся толпы: – ЛЕНИН! ПАРТИЯ!! КОМ-СО-МОЛ!!! Посреди сцены, по-эксгибиционистски раскинув руки, возвышался счастливым идиотом Петька Бойцов.

... – В честь дня рождения, я наказывать вас сегодня не буду, – зловеще процедил начальник курса по прозвищу Фофан. – Я накажу вас завтра. А сегодня вы заступите во внеочередной наряд. Встать в строй!... Курсант Бутенко, выйти из строя на три шага!

19 мая 1999 года
Пекин, отель «New World»

...Меланхолично взглянув на дно очередной кружки я с тоской подумал о том, что на пути к свободе у человека всегда оказывается слишком много условностей. Вот и сейчас, ливень запер меня в четырёх стенах шикарного постоянного двора о пятидесяти двух этажах.

Да и за его пределами раскинулся город, который я после первого же посещения невзлюбил за вылизанную помпезность широких проспектов,

напыщенно выпуклую от противоестественных размеров «главную площадь мира», где и по сей день исполинский портрет Мао чванливо взирает на громаду собственного мавзолея поверх тысяч голов зевак, вечно толкущихся по древней брусчатке.

Той весной в ответ на введение военного положения студенты воздвигли из стирофома белую статую своей Свободы прямо напротив его самодовольной физиономии. Портрет они, однако, тронуть не посмели. Первого из своих, кто в запале бунтарских чувств бросил в лицо Вождя чернильницу, они сами же скрутили и в благородном негодовании сдали властям... Может быть этим так и невыдавленным из себя поклонением идолу они и обрекли заранее свою белоснежную мечту?...

С ристалища ещё не выветрился запах крови, а на месте Свободы было спешно сооружено какое-то гигантское аляповатое чудище, должное как бы символизировать возрождённого феникса, но больше походившее на гигантского плешивого петуха нелепой раскраски.

Всё это безумие отнюдь не внушало уверенности в правильности пути, по которому неизвестно куда тащилось человечество, и не вызывало никакого оптимизма по поводу приближения нового тысячелетия.

После пяти-шести кружек пива приходилось соглашаться с когда-то казавшимся абсурдным представлением древних китайцев об истории человеческой цивилизации как о сплошном регрессе, последовательном нисхождении от идеального, безупречного порядка прошлого к несовершенству и хаосу будущего.

И знали они об этом, мудрецы такие, испокон веков! У них ведь даже в языке время течёт сверху вниз.³³ Но каким образом было ведомо им то, что потом забылось или потерялось на долгом пути от их первобытного ясновидения до нашего просвещённого невежества?

А ведь ещё каких-то десять лет назад всё казалось таким обнадеживающим. Рассыпался уродливый коммунистический мир, рушились берлинские стены, главами государств становились поэты и философы, люди просыпались от нелепого гипнотического сна, в котором их веками держали некие зловредные чародеи.

В молодое поколение обновлённого Китая я был тогда просто влюблён. Возникнув словно ниоткуда, они даже выглядели совершенно не похожими на своих предков, будто более высокая раса, начисто утратившая генетическую придавленность и покорность. В их характере в волнительных пропорциях было смешано раскрепощённое отношение к жизни с жадной самостоятельной мысли и деятельности, лица светились новой, ещё не нашедшей своего названия верой...

Теперь всё опять изменилось. Повинуясь каверзным законам бытия, художники и философы сами превратились в зловредных чародеев. Целая генерация молодых людей практически исчезла, в глазах потухла мечта, зато появился цинизм и неприязнь к окружающему Китай миру.

Я скосил глаза на Яо Лин Яо, словно ища подтверждение своим раздумьям. Заметив мой взгляд, она сделала ещё более непроницаемое

³³ «Прошлый раз» с китайского дословно переводится как «верхний раз». «На следующий год» дословно: «на нижний год», и т. п.

выражение лица. Да, это уже совсем иная порода... Сколько ей было в 89-м? Лет семь? Восемь? Максимум десять. Если даже она что-то и слышала о тех событиях, то всё это наверняка до неузнаваемости искажено официальной пропагандой. Они снова научились верить своим кормчим...

В голове почему-то опять зазвучал голос Высоцкого:

*...А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов...*

Да, это уже отнюдь не сладкоречивый Ли Бо. Интересно, в состоянии ли она понять из этого хоть что-то? Я медленно взял ручку, обдумывая следующие слова, и буквально ощутил затылком её затаённое дыхание, когда она с детским любопытством склонилась над моим плечом. Как там у него дальше?

*...Если ты почувствуешь, будто с тебя содрана кожа,
когда вместо тебя убили твоего друга –
значит ты читал книги истинных мудрецов...*

Черешневые глаза Яо Лин Яо скользнули по странице и недоумённо уставились на меня. Я невольно вздохнул, отодвинул лист с иероглифами в сторону и снова взялся за кружку...

2 июня 1989 года

Хабаровск, Разведывательное Управление Штаба КДВО

- ...Там уже составлены списки для массовых арестов, – вошёл в кабинет нахмуренный Бутенко. – А в мире – полная тишина. Может хоть американцы вмешаются? Ну наши – ещё понятно: только что Сергеич ³⁴ в Китай сгонял, только-только отношения начали восстанавливаться... Но ведь америкосы обычно не молчат никогда. Или не понимают, что там готовится?

- А ты копию разведдонесения в Вашингтон отправь, – иронично посоветовал Витя Золотов. – Да всё они знают не хуже нас! Послушай хотя бы, чего CNN и Эй-Пи передают, а уж в том, что ЦРУ обо всём известно – можешь не сомневаться. Нет, у них там просто своя игра...

Он достал из сейфа бутылку водки. – Куда опять стаканы дели? Видишь ли, Сань, Бушу сейчас Дэна за мошонку дёргать – значит потерять Китай как союзника окончательно. И так ишь вон крен какой у них в нашу сторону наметился... хрен какой... наметился... – сосредоточенно пробормотал он, вытряхивая последние капли над четвёртым стаканом.

- Вот именно что хрен! – хмыкнул капитан Фронов. – Прошли прежние времена – Китаю стратегические союзники больше не нужны. А тактически лавировать между нами они ещё долго будут, это точно. Дэн на много ходов

³⁴ Михаил Сергеевич Горбачёв

вперёд уже всё просчитал. Так что засунут в жопы языки и наши, и американцы – вот увидите.

- Ладно, товарищи офицеры. За день рождения, ну и чтоб студентов не сильно вые..ли, – добавил по-доброму Витюша. Звякнули стаканы.

19 мая 1999 года
Пекин, отель «New World»

- Вы прекрасно говорите по-китайски, – услышал я вдруг над плечом чей-то нежно-вкрадчивый голос и обернулся. У моего столика стояла «пианистка Кэт». – Разрешите присесть?

Я равнодушно поглядел на неё. – По-китайски я только пою. А вообще предпочитаю молчать. К тому же здесь слишком маленький диван.

Её это не смутило. Она как кошка медленно обошла столик и склонилась над ним, эффектно демонстрируя прелестный персиковый оттенок кожи на плечах и груди. – Я могу и постоять, если вам так больше нравится, – капризно растягивая слова промурлыкала она. – Могу встать на колени, если вы захотите. А могу и посидеть на ваших – я совсем не тяжёлая.

Я вздохнул. – Видите ли, мне всё равно будет тяжело. Мне всегда тяжело, когда я встречаю по-настоящему красивых девушек в роли бл..дей.

Она наклонила голову и выпрямилась. Мне вдруг стало жаль, что я так резко обошёлся с ней. – Извините меня, – сказала она, – Мне показалось, что...

В этот момент её взгляд упал на исписанную страничку блокнота, и она вздрогнула так, словно её ударило током. – Что это? – прошептала она, побледнев, не отрывая взгляда от листа. – Откуда это у вас?..

Первый раз в жизни я видел, чтобы написанные мною иероглифы производили такое впечатление.

- Сестрица Мэй! – шаловливо окликнул её кто-то из подруг, но она даже не обернулась.

- Я была в ту ночь на площади, – хрипло сказала она, поднимая на меня наполненные слезами глаза. – Мой друг заставил меня уйти домой, когда началась гроза. С тех пор у меня такое ощущение, будто я живу без кожи...

3 июня 1989 года
Пекин, площадь Тяньаньмэнь

...Гроза началась внезапно, за полчаса до полуночи. Первые раскаты грома были, наверное, приняты студентами на площади за канонаду начавшегося сражения в предместьях Пекина. Они подставляли счастливые лица под упругие струи, ловя пересохшими от голодовки ртами небесную влагу, ещё не зная, что их главной надежды – 38-й армии – уже фактически не

существует. Командарм Сюй был арестован лично генералом Ян Шанкунем³⁵, большинство офицеров после яростного, но недолгого боя у аэропорта Наньюань сложили оружие, остальные стрелялись, чтобы не сдаваться в плен.

Танки 27-й армии уже шли по ночным улицам Пекина. На броне густо сидели автоматчики. За ними зловещими тенями плыли колонны пустых грузовиков.

Лихорадочные сводки пекинских радиостанций на полуслове прерывались автоматными очередями. Последнее, что я услышал в ту ночь в эфире, был крик американского журналиста из Эй-Пи: – Oh, no! Oh, no! Oh, NO!!!...

Безоружные пекинцы в отчаянии пытались остановить бездушную военную армаду. Несколько боевых машин удалось поджечь бутылками с «коктейлем Молотова», но наспех наваленные баррикады и перегороженные автобусами улицы не могли сдержать чудовищной поступи танковых колонн.

Всё было кончено ещё до рассвета. Растерзанные и истекающие кровью тела юношей и девушек сваливали в грузовики и везли к заранее вырытым гигантским ямам на окраинах столицы. По всей стране начались массовые аресты и казни. За одну только ночь погибли и бесследно исчезли тысячи человек. В основном это был интеллектуальный цвет нации.

...Мы стояли с Сашкой Бутенко на кирпичном крыльце разведуправления и молча курили. Над Хабаровском уже светало. Город безмятежно спал, и никого не касалось, что творилось в эти часы на улицах Пекина.

– Сколько сейчас в Москве? – спросил я. – Надо звонить в ГРУ.

Бутен помолчал. – Сейчас позвоним, да хрена толку! – сказал он, со злостью отбрасывая окурки. – Всё они там знают и без нас. А правда никому не нужна – как не была нужна, так и не будет. Увольняться надо из этой долбаной армии на хер! – нелогично добавил он и скрылся за тяжёлой дверью.

«Пожалуй, что и так», подумал я, делая последнюю затяжку. «По большому счету в этом мире ничего никогда не изменится.»

Спустя несколько дней Госсекретарь США Джеймс Бейкер скромно назвал происшедшее «событиями на площади Тяньаньмэнь», сведя катастрофу нации к масштабам локальных уличных беспорядков. Советский Союз вообще не счёл нужным делать какие-либо официальные заявления.

Над Китаем опустилась ночь «длинных ножей». Мир молчал. У лидеров великих держав были куда более актуальные заботы, нежели судьба молодого поколения обновлённого Китая...

³⁵ Генерал Ян Шанкунь – в 1989 г. занимал посты Президента КНР и И.О. Председателя Центрального Военного Совета (высшего военного органа Китая). После некоторых колебаний и проявления лояльности к студентам, позже примкнул к консервативному крылу и активно участвовал в организации подавления выступлений.

19 мая 1999 года
Пекин, отель «New World»

- ...Из университета исключили чуть ли не всех, – рассказывала Мэй уже почти спокойно. – Даже тех, кто не участвовал в демонстрациях, а просто не приходил на занятия. Впрочем, занятий никаких и не было – почти все преподаватели тоже бастовали.

Меня арестовали не сразу – у них было много работы с активистами. Я даже надеялась, что до меня дело не дойдёт. Но потом стали одну за другой брать моих подруг, и я поняла, что скоро и моя очередь. Тем более, что я считалась невестой Юнь Мэна, а он был в числе лидеров.

- А что случилось с ним? – перебил я её.

- Не знаю, – качнула она головой. – Я так ничего и не знаю. Скорее всего, он погиб тогда на площади. Но иногда мне становится страшно, что он вдруг войдёт в этот бар со своей всегдашней ироничной улыбкой и увидит меня здесь...

- Тогда зачем тебе всё это? – Я обвёл взглядом гудящий пьяными голосами зал. – Ты же заслуживаешь гораздо большего...

Она горько усмехнулась. – Это было условие. Иначе бы мне вообще никогда не позволили вернуться в Пекин. А у меня тут больная мама. Вот поэтому я здесь уже около полутора лет. И, представь себе, почти счастлива.

- А где отец?

- Он умер. Не вынес того, что его дочь – контрреволюционерка. До своих последних дней он считал Мао гением.

- Кто поставил тебе эти условия? Госбезопасность?

Она прижала палец к губам и кивнула.

- А где ты была до этого?

- Следствие шло недолго. Мне дали три года трудовой повинности в армии, а потом бессрочную высылку из Пекина и вообще изо всех городов с населением свыше миллиона³⁶. Три года я работала прачкой в воинской части в Синьдзяне³⁷ – никогда прежде не думала, что в жизни может наступить такой кошмар.

Мне тоже приходилось бывать в Синьдзяне, правда, к счастью, весьма непродолжительно – всего три дня, когда я в период своего бытия «новым русским» вызволял застрявший на китайско-казахской границе бартерный ширпотреб, раздавая щедрые взятки сребролюбивым таможенникам и пограничникам той и другой стороны. Да, местечки там далеко не райские, а уж если ещё стирать портянки солдатне...

Словно угадывая мои мысли, она продолжила: – Там приходилось не только стирать солдатское бельё. В китайской армии прачки почти официально считаются жёнами полка. Поначалу я пыталась защищаться, но меня просто нещадно избивали.

Я потряс головой. – А потом? Что с тобой было потом?

³⁶ В Китае населённые пункты с числом жителей менее миллиона даже не считаются городами.

³⁷ Синьдзян-Уйгурский автономный район – горная область на северо-западе Китая. Отличается тяжёлыми климатическими условиями и крайне низким уровнем жизни.

- Потом была горничной в маленькой гостинице в Маньджурии. Там ко мне неплохо относились. Иногда я даже работала переводчицей для заезжих иностранцев, но только они редко забирались в такую глухомань. А ещё, как ни странно, там в фойе стояло старинное, ужасно расстроенное пианино, ещё русского дореволюционного производства, на котором мне иногда разрешали играть...

- Знаешь, ведь мы с тобой могли встретиться и в Синьдзяне, и в Маньджурии – я бывал там как раз в то же время, что и ты.

Она грустно посмотрела на меня: – Наверное хорошо, что не встретились. Тогда для меня вообще не было ни настоящего, ни будущего, и совершенно не хотелось жить.

- А сейчас?

- Сейчас? – Она на мгновение задумалась. – Сейчас по крайней мере у меня опять появилось ощущение, что жизнь ещё впереди, хотя, конечно, судьба по-прежнему распоряжается мной, а не я ею...

Я взял ручку. – Посмотри, это у того же поэта:

*Я прошу коней своей судьбы
не скакать так быстро –
но мне достались непокорные кони...*

Её глаза вспыхнули неподдельным интересом. – Да, довольно обо мне! Ты так и не сказал, чьи это стихи. Не похоже на классическую поэзию, но очень красиво.

- Это современный русский поэт, он умер 20 лет тому назад. Вернее, он не просто поэт – скорее певец собственных стихов. В России его очень любят.

- Ещё бы! Я с первых же иероглифов поняла, какая это высота! Напиши мне что-нибудь ещё. – Она внезапно встала. – Знаешь, пойду-ка я скажу, что на сегодня закончила работу. Тогда мне можно будет с тобою выпить.

Не успела она отойти от столика, как её вдруг догнала Яо Лин Яо и о чём-то быстро и горячо заговорила. Удивлённая Мэй остановилась и, смерив Яо Лин Яо мгновенным взглядом, коротко ответила что-то резкое, отчего та вспыхнула и униженно склонила голову, как бы осознав свою неправоту.

Словно опомнившись, Яо Лин Яо смиренной семенящей походкой вернулась на своё обычное место за моей спиной, но мне, честно говоря, было уже не до неё. Образ Мэй настолько занял моё воображение, что я едва мог дожидаться, пока снова увидел её изящную фигуру, небрежно скользящую по проходу бара. Каким же потенциалом живучести надо обладать, чтобы после всего, что было в жизни у этой девчонки, выглядеть как ни в чём ни бывало словно избалованная принцесса!

На чистом листе бумаги у меня уже были написаны две цитаты из «Охоты на волков»:

*Почему волк должен бежать навстречу гибельному выстрелу,
если путь к свободе преграждают лишь красные флажки?*

Слово «красный» неожиданно приобрело здесь ярко выраженный политический оттенок, но это было даже кстати.

*Я больше не повинуюсь законам смерти –
Жажда жизни сильнее их!*

Она схватила лист со стихами, едва подойдя к столу, и какое-то время стояла молча, восхищённо покачивая головой. – Невероятно! – выговорила она наконец. – Знаешь, мне хочется кричать, глядя на эти слова!

- Что будешь пить? – спросил я, когда она уютно устроилась возле меня на узком диванчике.

- Джин с тоником, – сказала она, – Только джина двойную дозу.

Я с недоверием покосился на неё. – Я привыкла к этому в Синьдзяне, – невозмутимо пояснила она. – Джина там, правда, не было – приходилось пить кошмарную местную водку, чтобы забыть, где находишься.

Мне не надо было объяснять, что это значит, и я понимающе кивнул. – А где ты научилась так играть?

- Мама, – коротко ответила Мэй. – Она была профессором в консерватории. Когда меня арестовали, ей запретили преподавать. Напиши чего-нибудь ещё! Напиши сначала его имя.

Я вздохнул. Ну что ей скажет фамилия Высоцкий, затранскрибированная четырьмя даже не связанными по смыслу иероглифами?³⁸

- Гао³⁹, – сказал я. – Его фамильный иероглиф был Гао.

- Здорово! – сказала она. – Очень подходящая фамилия. А его переводили на китайский, или хотя бы на английский?

- Понимаешь, – ответил я, – Беда в том, что его невозможно перевести. Его может понять только русский.

- Но ведь у тебя получается! – горячо возразила она. – Вот и переведи! Я уверена, что китайская молодёжь сразу его полюбит.

- Да ведь это даже не перевод. Это больше стилизация, но и то лишь маленькие фрагменты, кусочки из его песен. А контекст гораздо сложнее и практически непонятен иностранцам.

Перед столиком лёгкой тенью возникла Яо Лин Яо. С выражением полной покорности она опустила с подносом на колени, поставила перед Фэн Мэй джин и принялась наливать мне пиво.

Фэн Мэй взяла стакан, и льдинки в нём громко зазвенели. – Но если даже то, что поддаётся переводу, способно вызывать такие чувства – значит всё равно это стоит сделать. Пусть лучше о нём узнают хоть что-то, чем совсем ничего!

- Может быть ты и права, – задумчиво сказал я. – Но таким делом нельзя заниматься как забавой, от случая к случаю. Этому надо посвятить жизнь.

- Так это же и есть счастье! Посвятить жизнь чему-то красивому и нужному для других. Делать то, что ты способен сделать лучше всех, да при этом и самому получать удовольствие! Впрочем, может быть, я сужу об этом со

³⁸ [Фу-со-сы-дзи] – вот это безобразие представляет собой на китайском языке транскрипцию фамилии Высоцкого!...

³⁹ «Гао» - высота; высокий (кит.)

своей башни. Я ведь совсем не знаю тебя. Твоя жизнь наверняка наполнена другими, более важными занятиями и смыслом.

Я горько усмехнулся. – В том-то и беда, что совсем наоборот. Я сам чем дальше, тем меньше понимаю, что вообще делаю на этой Земле...

Она странно взглянула на меня. – Но ты же свободный человек! Ты можешь жить, где тебе хочется, ты знаешь так много, умеешь столько всего, чего не умеют другие... Что же тебе мешает? Я не имею в виду переводы учителя Гао. Что вообще мешает тебе делать то, что ты хочешь?

- Что мне мешает?! – вспыхнул я. – Да мне столько всего мешает...

И вдруг осёкся. А действительно, что мне мешает? Отсутствие сраной грин-карты? Дурацкие конфликты с туповатым американским правосудием? Растущие проценты на кредитных карточках? Нерешённые проблемы с русской мафией? Да любая из проблем, которую я назову, покажется ей просто смешной и легковесной. Ведь по сравнению с ней я действительно совершенно свободен...

Она прикоснулась к моей руке. – Извини. Я не хотела тебя расстраивать. Мне хорошо знакомо это ощущение, когда кажется, что жизнь не имеет никакого смысла. Но ты же помнишь, что говорил учитель Конфуций⁴⁰: «повернутся дороги – и ты снова увидишь вершины»⁴¹.

Я грустно посмотрел на неё. Есть что-то трогательное в том, что тебя утешает человек, для которого даже твоё простое право жить, где хочется, и делать то, что нравится – совершенно неосуществимая мечта. Но ведь и у меня то, что есть сейчас, было далеко не всегда...

19 мая 1985 года
24-й отдельный разведбат ОСНАЗ
Сайн-Шанд, Южно-Гобийский аймак, Монголия

... – Ну и что это такое? – медленно поднял на меня мутные с похмелья глаза начальник разведки 20-й армии полковник Попцов, которого недобрые офицеры за глаза называли Анусом.

Перед ним на столе лежала справка о военно-политической обстановке в зоне ответственности нашего батальона особого назначения – предмет гордости и плод многодневных трудов всего нашего КП, состоявшего в основном из ВИИЯковцев⁴², по разным причинам сосланных в Гобийскую глухомань.

⁴⁰ Конфуций (5 век до н. э.) – основатель философской концепции, которая фактически стала одной из основных религий Китая. Суть его учения – в понимании человека как существа общественного, а также идеи того, что гармония в обществе достигается путём соблюдения иерархически выстроенных отношений между людьми. Основой всего при этом должны быть доброта и любовь.

⁴¹ замечательное это выражение звучит, не вполне благопристойно: «фэн хуй – лу джуань», но я вас уже предупреждал...

⁴² ВИИЯ – Военный Институт Иностранных Языков – элитное военно-учебное заведение в Москве, где в советские времена готовили переводчиков высокого класса.

Своей специальной заслугой я считал то, что не ограничился разведанными в пределах полосы разведки, а включил их в контекст общей политической ситуации с прогнозом перспектив её развития. По моему мнению, это должно было дать командованию объёмную и реалистичную картину происходящего.

- Так-так... Изменение военной доктрины Китая... упор на реформу экономики... сокращение армии на миллион человек... отвод войск от советской границы... Что это такое, товарищ старший лейтенант?!

- Это результат анализа обобщённых данных радиоперехвата, агентурных источников, открытой и закрытой прессы... – бойко начал было я.

Тусклые глаза начальника разведки налились кровью.

- А я скажу, ЧТО это такое, старший лейтенант! – взревел он. – Это полная потеря бдительности!!!

В растерянности я замолчал.

- Вы хотите, чтобы это за моей подписью ушло в Москву?! Вы хотите, чтобы с меня сняли погоны?! Да мне и так уже полгода генерала не дают! Вы у меня по партийной линии ответите за свою преступную близорукость!

- Это не близорукость, товарищ полковник! – дрожащим от несогласия с вопиющей несправедливостью голосом возразил я. – Близорукость – держать такую армаду на границе с государством, которое не представляет для нас никакой военной угрозы. По крайней мере, на ближайшие 10–15 лет...

- Нет, это не близорукость, – помолчав, вдруг мрачно согласился со мной Анус. – Это предательство! Да я вас под трибунал отдам, пацифист!!!

С этими словами он схватил мою нецензурную справку, разорвал её, бросил одну половину на пол, а во вторую, к моему полному изумлению, впился зубами и, рыча, принялся трепать, мотая головой из стороны в сторону.

- Что вы делаете, товарищ полковник?! – прошептал я, холодея от ужаса. – Это же секретный документ, он на меня зарегистрирован...

- Сделаешь другую справку под таким же номером, – внезапно успокаиваясь, приказал начальник разведки. – Трое суток тебе даю. И смотри – чтоб без пацифических фокусов! А то – ить!...

Написание второй справки ушло два дня. Она получилась раз в 5 тоньше первой и по содержанию напоминала подборку передовиц газеты «Красная Звезда». Замполитам было рекомендовано использовать её для повышения бдительности у личного состава. За неё мне объявили благодарность. Попцов через два месяца получил долгожданные генеральские лампасы...

19 мая 1999 года
Пекин, отель «New World»

- ...Так мы идём к тебе? – ещё раз спросила Мэй, внимательно глядя мне в глаза. – Но я повторяю, что моя работа тут совершенно ни при чём.

- Да, – сказал я. – Мы идём.

Она вздохнула, и с облегчением засмеялась. – Знаешь, я почему-то так боялась, что ты скажешь «нет». Первый раз в жизни, правда!

Взяв в руки сумочку, она встала: – Я сейчас вернусь. Допивай своё противное пиво.

Из моего угла было прекрасно видно, как она своей слегка развинченной походкой шла по узкому коридору, ведущему к туалету, на ходу доставая что-то из сумочки, когда за её спиной неожиданно возник тонкий силуэт Яо Лин Яо, которая схватила её сзади за волосы и с невероятной для такой детской комплекции силой ударила головой об угол стены. Мэй упала, словно её позвоночник надломился сразу в нескольких местах, и по тому, как конвульсивно дёрнулись и замерли её ноги, я понял, что это всё.

Яо Лин Яо присела перед ней на корточки и, приподняв за волосы, заглянула в лицо, затем поднялась, пересекла бар с невозмутимым, как всегда, видом и встала за моей спиной.

С минуту я не мог пошевелиться. В баре гремела музыка, и стоял обычный гвалт. Мэй неподвижно лежала в пустом коридоре, из-под её головы по полу ползли две тёмные, извилистые струйки.

Наконец я встал, дрожащими пальцами бросил на стол несколько бумажек и вышел из бара. В дверях я обернулся, чтобы посмотреть на Яо Лин Яо. Она продолжала с прямой спиной стоять у пустого столика, и её кукольное личико казалось совершенно бесстрастным.

В номере я выгреб из мини-бара сразу несколько разноцветных бутылочек и, с хрустом срывая пробки, выпил одну за другой. Потом, пошатываясь, добрёл до туалета и долго стоял на коленях перед унитазом, бессвязно матерясь на неизвестном самому себе языке. Потом добрёл до кровати и упал на неё, не сняв ни покрывала, ни одежды...

19-й вечер пятой луны 20 года правления династии Мин (1388 г.)
Остров Хайнань, Край Света

(Письмо Императору Поднебесной от опального и ссыльного поэта Гао Шэна)

О, несравненный и достославный Сын Неба, великий владыка и повелитель Поднебесной, властелин судеб и ничтожных жизней наших, затмевающий яркостью своего мудрого правления сияние солнца и прочих небесных светил!

Падают ниц перед великолепием Твоим и осмеливается поднести недостойную кисть к бумаге ничтожнейший из рабов и слуг Твоих, великой милостью Твоей сосланный из ослепительного дворца Твоего в далёкую

рыбацкую деревушку на самом краю земли, и смеющийся надеяться, что не оскорбит ясных очей Твоих созерцание тех низких иероглифов, из которых слагается моё негодное имя.

Незначительнейшей причиной, по которой нерадивый раб Твой дерзнул покрыть сей свиток недостойными Твоего светлого внимания письменами, явилось то, что как стало известно мне из письма одного из вельмож Твоего сиятельного двора, Ты неоднократно выказывал светлейший интерес к неприметной персоне моей, изрекая суждение, будто несправедливо поверг меня, якобы, «в пучину горести и несчастий», а теперь и вовсе изъявляешь намерение облагодетельствовать своим прощением и вернуть не заслуживающего подобной милости раба пред благословенные очи Твои в Южную Столицу.⁴³

Посему падаю на колени в низжайшей мольбе забыть о моем низком существовании и оставить меня там, где я пребываю ныне, ибо помимо того, что недостойно низжайшее существо моё и десяти тысячной доли Твоего внимания и благодеяний, существует ещё одна причина, ради которой я и осмеливаюсь отвлечь несколько мгновений Твоего божественного времени.

Причина эта кроется в одном лишь маленьком иероглифе из предыдущего столбца, на который Твои светлейшие очи наверняка не соблаговолили обратить никакого внимания. Это иероглиф «якобы», который стоит перед словами «пучина горести и несчастий». Дело в том, о Величайший из повелителей, что полагая будто я всепобеждающей волею Твоей лишён того, что зовётся «счастьем», Ты невероятно заблуждаешься.

Позволь объяснить Тебе, о несравненный, в чём Твоя ошибка.

Начну с философских категорий, к которым питает такое пристрастие Твоя наипросвещённейшая душа, и попробую найти определение тому, к чему мы все так неизменно стремимся, а именно понятию «счастье».

Счастье, вопреки всеобщему убеждению, это не состояние, которого человек способен достичь; это – лишь кратковременное ощущение. Ощущение столь мимолётное, словно прикосновение невидимого небесного опахала, словно пролившиеся из нефритового лотоса капли драгоценного бальзама. Эти благословенные мгновения кратки и неповторимы, их нельзя поймать или остановить, однако они будто светлячки в ночи, мелькнув однажды в нашей судьбе, обладают способностью согреть её долго, порою всю жизнь, наполняя душу сокровенным смыслом и значением.

Человек, пытающийся любой ценой настичь счастье и продлить его, подобен ненасытному алкоголику: тот также устремляется вдогонку за ускользящим от него блаженным эфемерным ощущением, которое даёт лишь первый (и единственный!) глоток вина. Дальнейшая погоня за этим неуловимым сладостным мигом – всего лишь иллюзия, обречённая на бесплодные повторения, уводящие от желанной цели, ибо человек становится всё менее и менее способным воспринимать и наслаждаться таковою.

Это кажется парадоксом, но тот, кто одержимо гонится за счастьем, на самом деле только отдаляется от него, и чем он настойчивее, тем дальше

⁴³ Наньдзин (или Нанкин) – «южная столица», в отличие от «северной столицы» - Пекина, или, как называют его сами китайцы, Бэйдзин.

оказывается от того состояния, в котором сохраняет возможность ощущать его вообще.

Счастье доступно лишь тому, кто не совершает никаких усилий, чтобы его получить или удержать, а способен принять его как данность.

Перейдём же от абстрактного философствования к простым примерам, и, чтобы не ходить далеко, сравним для этой цели меня и Тебя, мой повелитель.

Ты можешь несравнимо больше, чем кто бы то ни был на этой Земле. Твои возможности почти безграничны. Твой стол завален самыми изысканными и необыкновенными яствами. Ты собираешь со всех краёв новых и новых искуснейших поваров. Но скажи мне, когда Ты последний раз испытывал хотя бы простую радость от еды? В то время как я каждый день ощущаю полное счастье, когда (даже не ем!) – вытаскиваю из воды пойманную своими руками рыбу, которую могу поджарить на углях, приготовить на пару, или просто отпустить.

В Твоём гареме сотни прекраснейших наложниц. Слуги сбиваются с ног, в поисках новых и новых молодых рабынь. Но скажи мне, когда Ты последний раз по-настоящему желал женщину? А я чувствую безграничное счастье, когда, направляясь ранним утром к своей лодке, встречаю на тропинке соседскую девушку, у которой загораются щёки от того, что она украдкой взглянула на меня.

Твои владения беспредельны. Посылаемые Тобой войска уже достигли краёв земли на Севере, где в лесах, занесённых снегом, невозможна жизнь человека; на Западе, где горы соединяются с небом; и на Юге, где люди всё больше и больше походят на мелких обезьян. У Тебя не хватит жизни, чтоб хотя бы один раз обскакать свои владения. Но Ты гонишь своих воинов всё дальше, и дальше, чтобы достичь несуществующих границ, потому что Тебе всегда будет мало того, что Ты имеешь.

А я счастлив наблюдать, как солнце погружается в море, когда сижу вечером на округлом валуне, на котором выбита надпись «край света».⁴⁴ Наслаждение тем, что дано видеть твоим глазам – вот истинное благо, которое всегда с тобой, в отличие от безумной гонки за недостижимым.

Ты окружил себя многочисленными мудрецами и учёными мужами, поэтами и литераторами, музыкантами и актёрами. Ты избираешь всё новых и новых любимцев, и тут же изгоняешь их. Но когда последний раз осветило Твою душу хоть одно из слов, произнесённых ими? Когда зазвучала в Тебе хоть одна из беспрестанно поющих ими песен? Когда развлекло Тебя хоть одно из пышных ежевечерних представлений?

А я вчера испытал подлинное блаженство от маленького трёхстишия, присланного мне моим другом (не буду даже приводить его Тебе здесь, ибо мне, увы, и близко не дано воспроизвести дерзновенный росчерк его кисти).

Мне никогда не было весело так, как на прошедшем деревенском Празднике Середины Осени с поединками бумажных драконов, плясками вокруг костра, треском и искрами шутих, песнями под бесхитростный аккомпанемент пастушьих лютен.

⁴⁴ Этот валун с незапамятных времён действительно находится неподалёку от местечка Санья на Юго-Восточной оконечности острова Хайнань.

Ты обезглавил тысячи своих подданных за малейшее неповиновение или несогласие с тем, что принято говорить, и оправдываешь это «благом империи и счастьем народа». Но чтобы заставлять быть счастливыми одних, Тебе надо отнимать жизнь у многих и многих других. В этом Твоя власть, но в этом ли Твоё счастье?

А я ощущаю себя воистину бессмертным, когда после двух-трёх добрых слов, сказанных первому встречному, у того во взгляде появляется нечто, что он пытается сохранить в себе, точно тлеющую искру, чтобы передать её потом кому-то другому.

Ты – всё, а я почти ничто. Однако так уж ли Ты всемогущ? Тебе кажется, будто Ты волен сотворить со мной, что тебе заблагорассудится: осчастливить, либо «повергнуть в пучину несчастий». Но как же Ты заблуждаешься!

Ты лишил меня своего благоволения и покровительства, но вместо этого дал свободу делать и говорить то, что мне хочется.

Ты снял с меня расшитый драгоценностями придворный кафтан, но тем свободнее стала чувствовать себя моя нагая душа.

Ты отнял у меня золочёную крышу моего терема, но открыл тем самым беспредельность высоты голубого неба.

Так в чём же Твоя сила? Если Ты не можешь сделать счастливым или несчастным даже одного из своих подданных, то вся Твоя власть иллюзорна. Всё, что Ты смог – это превратить в несчастного самого себя. И беда Твоя в том, что Ты жаждешь стать счастливым, в то время как я просто являюсь таковым, ибо обрёл возможность находить счастье в любых самых незатейливых мелочах.

О, Ты, несомненно, можешь меня убить. Но тем самым Ты окажешь мне ещё большую милость, приблизив момент встречи с Верховным Императором, и подарив возможность войти в Ворота Небесного Спокойствия⁴⁵ с молодым лицом и здоровым телом, однако даже и такое – сущие пустяки по сравнению с тем, что это лишь поможет мне сократить великий и многотрудный путь перерождения души в иную форму материи, несравненно более высокую, чем наши умы способны себе даже представить.

Остаюсь коленопреклонённый,
раб Твой и слуга
Гао Шэн

P.S. Гао Шэн был казнён четвёртым утром шестой луны 21 года правления Династии Мин (1389 г. н.э.) на площади Тяньаньмэнь при огромном скоплении народа. На его груди висела табличка «Опасный вольнодумец и сотрясатель государственных устоев».

⁴⁵ «Ворота Небесного Спокойствия» – Тяньаньмэнь (образно: вход в рай)

20 мая 1999 года
Пекин, отель «New World»

...Под утро в дверь номера громко постучали.

- Входите! – крикнул я, с трудом отрывая голову от подушки. – Не заперто!

Стук повторился.

Выругавшись, я встал и, благо вся одежда и даже туфли были на мне, сразу распахнул дверь.

На пороге стояли худощавый китаец лет пятидесяти на вид, в стареньком костюме, и сурового вида полицейский.

- Шэн Тао, управление государственной безопасности, – представился штатский и кивнул полицейскому. Тот, отстранив меня, прошёл в комнату, бегло оглядел её и, сложив руки за спиной, встал у окна, за которым едва брезжил свинцовый рассвет. Его поза чем-то напомнила мне Яо Лин Яо.

- Майкл... Баженов? – довольно правильно выговорил мою фамилию гэбэшник, входя в коридор.

- Вы ошиблись номером, – с неподобающей для ситуации весёлостью и зачем-то желая его разозлить, игриво ответил я по-китайски, величавым жестом окидывая свою полную экипировку. – Меня зовут Си Мэнь Цин⁴⁶, и я как раз намеревался покинуть сей гостеприимный дом временного проживания.

Моя реплика не произвела на него никакого впечатления. Он закрыл за собой дверь, зачем-то накинул на неё цепочку и повернулся ко мне.

- Я не советую вам шутить, мистер Баженов, – на очень неплохом английском негромко сказал он. – Вы желаете пообщаться здесь, или у нас в Управлении?

- Видите ли, я вообще не планировал ни с кем общаться в это время суток, – с неожиданным для себя раздражением ответил я.

Он усмехнулся и неторопливо прошёл в номер. – По моим сведениям, вы как раз в это время и планировали э... общаться, да вот только человек, с которым вы собирались это делать, уже мёртв.

- Кто... мёртв? – сглотнув слюну, глупо спросил я.

Он иронично вздохнул. – Вам знакома гражданка Китая Фэн Мэй?

- Мэй? – переспросил я. – Ну... да, если вы именно её имеете в виду.

- Я имею в виду именно её, – сказал он, бросая на стол несколько фотографий. С верхней из них на меня смотрело серьёзное лицо Мэй, и я невольно отвёл взгляд. – Так вот, она скончалась два часа тому назад от черепно-мозговой травмы. Когда вы видели её в последний раз?

Он достал диктофон и нажал на кнопку. – Знаете, – сказал я, пытаюсь собраться. – Я точно не помню... Это было в баре около трёх часов ночи. А потом я пошёл спать.

⁴⁶ Си Мэнь Цин – образ праздного гуляки и распутника, такого китайского Дон Жуана, из знаменитого эротического романа 16 века «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». Роман долгое время был запрещён в КНР (и в СССР тоже)

Шэн с сарказмом оглядел разбросанные на столе и полу бутылки. – Понятно. Вы знакомы с Яо Лин Яо?

- Кто это? – как можно более недоумённо поинтересовался я.

Он ещё раз вздохнул. – Бросьте разыгрывать из себя недоумка, мистер Баженов. Вам это не на пользу, да и к тому же явно не идёт. – Он насмешливо сощурился.

- Я вам напомню: Яо Лин Яо – это та официантка, с которой вы были столь... любезны. – Он достал из кармана сложенную салфетку: – «Яо Лин Яо – пиао лиан де хао». Хм... Неплохо. Особенно для иностранца.

- Я любезен со всеми, кроме тех, кто врывается в мой номер среди ночи... – решительно начал было я, но он нехорошо засмеялся и сел в кресло.

- Да, действительно, уже почти утро – не стоит тянуть время. Чтобы вам было окончательно ясно зачем я здесь, могу сообщить: Яо Лин Яо заявила нам, что убили Фэн Мэй именно вы.

Комната поплыла у меня перед глазами. – ...К тому же, Фэн Мэй в больнице перед смертью несколько раз повторила ваше имя, что также станет для суда важной уликой... – доносился до меня как из тумана голос Шэна.

Я облизал сухие губы. Чёрт! И зачем я только вылакал всю эту гадость! Голова раскалывается, а в этой переделке так нужен ясный ум!

Он пронизательно смотрел на меня. – Насколько мне известно, вы уже однажды были под арестом китайской полиции?

Я неохотно кивнул: – Да, в 91 году в Харбине. Только это было ошибкой, и меня отпустили с извинениями. Человек, которого я случайно побил, оказался преступником, давно разыскиваемым полицией.

- Ошибкой было то, что вас так запросто отпустили, – жёстко сказал он. – Когда вы избивали китайского гражданина, вы ещё не могли знать, что он преступник. Впрочем, к этой теме следствие ещё вернётся. А сейчас меня интересует, как и с какой целью вы убили гражданку Фэн Мэй?

- Я не убивал гражданку Фэн Мэй, – тупо произнёс я, про себя поражаясь, как неубедительно звучит то, что я сейчас говорю. – У меня не было никаких причин этого делать.

- Не было? – прищурился он. – А вот Яо Лин Яо показала, что вы более часа пытались совратить Фэн Мэй, предлагали ей деньги, поездку в Америку, но она отвергла ваши домогательства. Вас это, видимо, сильно задело?

«Бред», – качая головой, подумал я. – «Какой бред! Но всё, что я могу рассказать, будет звучать ещё большим бредом...»

- Вам нечего сказать? – словно отгадывая мои мысли, торжествующе продолжал он. – У меня есть также показания нескольких свидетелей, которые видели, что вы долго сидели за столиком с Фэн Мэй, а когда она вышла, сразу же вслед за ней вышли и вы. А ещё несколько минут спустя её тело было найдено в коридоре, ведущим к туалету. Кроме вас туда больше никто не заходил!

- Но я туда тоже не заходил! Я вышел не за ней – я вышел из бара, чтобы вернуться в номер, – устало сказал я.

- Чтобы тут же напиться! – весело подхватил он. – Nightcap⁴⁷, как говорят у вас в Америке. В баре, видимо, алкоголь закончился. А может просто настроение у вас было не очень? Или я ошибаюсь? – Он взглянул на полицейского, неподвижно стоящего у окна.

Тот со значением кивнул. Только сейчас я заметил, что он был в звании капитана.

- Что ж, вас наверняка интересует, что вам полагается за это по китайским законам. А полагается вам, в случае чистосердечного признания и раскаяния – лет 15 каторжных работ, зато если будете упорствовать и отрицать, то и высшая мера светит – смотря какой судья попадётся. У нас законы строгие, так что отпираться не рекомендую.

Происходящее всё больше и больше походило на кошмарный сон. В памяти вдруг мелькнула камера предварительного заключения в Харбине: ржавый наручник, которым я был прикован к стене почти двое суток, запятнанные чем-то бурым пол и стены... валяющиеся на полу зубы... разбитые стёкла очков, клочки волос... выматывающие душу крики из соседних камер...

Я хотел было что-то произнести, но на ум не приходило ни единой связной мысли.

Внезапно Шэн вскочил с кресла и приблизил лицо почти вплотную к моему, вперившись своими кошачьими зрачками прямо мне в глаза. – А может быть действительно не вы? Может быть, вы знаете, кто убил? Ведь вы знаете, кто её убил, а? Скажите мне, почему же вы молчите?!

Не отвечая, я с ненавистью смотрел в его лицо. Действительно, почему? Почему я молчу? Мне жаль Яо Лин Яо? Да, мне её жаль. Но не проводить же остаток жизни на каменоломнях Синьдзяна из-за сумасбродства какой-то девицы, которую я, собственно, даже не знаю?! Которая, к тому же, меня оговорила! Я боюсь, что мне не поверят? Поверят, если расскажу всё, как было на самом деле! Ведь существуют ещё и адвокаты, и экспертиза. Так в чём же дело? Почему я молчу?! Я что, считаю себя действительно виноватым?! Я действительно считаю себя виноватым?!...!

В комнате повисла гнетущая тишина. Я опустил глаза. – Не разыгрывайте дурацких спектаклей, господин Шэн, – сказал я глухо. – Исполняйте как положено свои служебные обязанности.

Шэн немного отстранился, и в его взгляде появилось какое-то неопределённое выражение. Он помолчал и, как будто нехотя, выключил диктофон. Сухой щелчок кнопки прозвучал словно осечка пистолетного выстрела, и я невольно вздрогнул.

- Похоже, вам опять серьёзно повезло, Миша, – вздохнув, отдельно проговорил он, неожиданно называя меня моим русским именем, которое почему-то всегда так нравилось китайцам. Я с усилием поднял голову.

- Можете расслабиться, Миша – я прекрасно знаю, что убили не вы. Яо Лин Яо рассказала нам правду. Более того, у нас записано всё, о чём вы разговаривали с Фэн Мэй.

Он медленно встал. – Мне было просто очень интересно посмотреть, что представляет собой человек, из-за которого молоденькая девушка погубила

⁴⁷ Nightcap (англ.) – «ночной колпак» - выражение, означающее последний стакан, знаменующий окончание попойки. Что-то типа «посошка».

свою жизнь... Да ещё и чужую жизнь, – добавил он, сокрушённо качая головой, и стало заметно, что ему гораздо больше пятидесяти. – Что она увидела в вас, чтобы натворить такое? – с болью спросил он. – Какие чувства вы смогли внушить ей за какие-то пару часов?

Я молчал. Он сделал жест рукой, и капитан полиции, не взглянув на меня, вышел из номера. Когда он открывал дверь, я услышал, что в коридоре тихо переговариваются о чём-то ещё несколько человек.

Шэн серьёзно посмотрел мне в глаза, и сказал тихо, но твёрдо: – Я клянусь вам: если б вы сейчас сказали мне, что убила Яо Лин Яо, я сделал бы всё, чтобы посадить вас в тюрьму! И уж поверьте: я бы сумел этого добиться. Вы ведь хорошо знаете, что такое Китай, не правда ли?

Он распахнул дверь номера, но остановился на пороге. – Да, и кстати, с днём рождения вас, товарищ капитан, – добавил он насмешливо. – Happy birthday, как говорят на вашей новой родине!

Я безучастно посмотрел ему вслед. Щёлкнула, закрываясь, дверь. В номере было уже почти светло. Оставалось каким-то образом прожить этот день. ■